## Славянская письменность XI—XIV вв. на Синае и в Палестине.

Занимаясь последнее время вопросами по более точному выяснению взаимоотношений русской старой литературы и славянских, я по ходу работ в этом направлении должен был, естественно, отклоняться часто от прямого пути в виду постепенно открывавшихся и мне доселе мало известных или вовсе неизвестных явлений и фактов в жизни славянских литератур, имевших прямое или косвенное отношение к основному интересующему меня вопросу: от правильного и более или менее ясного разумения этих фактов зависит правильное и ясное понимание тех или иных явлений и в области взаимоотношений самих славянских и русской литератур. Все это, взятое вместе, приводило часто к необходимости экскурсов в область отдельных славянских литератур, независимо от их отношений к литературе русской; число таких экскурсов по мере расширения границ основного вопроса возрастало, вносило иногда новое освещение или новые стороны в освещении самих славянских литератур, иногда открывало новые, по крайней мере для меня, факты из истории этих литератур. Это в свою очередь заставляло не жалеть времени и труда для обследований этих фактов, не считать затрату на них труда в ущерб основной теме работы.

Один из таких экскурсов и показался мне заслуживающим того, чтобы на нем остановиться; он касается непосредственного соприкосновения юго-славянских литератур с христианским Востоком, точнее — с Сирией, Палестиной и Синаем, помимо посредства — обычного — Византии.

При пересмотре рукописного наследия юго-славянских и русской литератур в поисках за фактами их взаимоотношений мое внимание остановилось на ряде рукописей славянских, преимущественно сербских и

болгарских, попадавших и отчасти до сих пор остающихся в упомянутых странах Востока: интересно было выяснить, когда и каким образом они туда попадали? Не скрывается ли за этим следов каких-либо более серьезных, нежели случайность, явлений взаимообщения славянских народностей и культуры Востока? На подобные вопросы наводила аналогия с Афоном, где, как известно, одна уже наличность славянских рукописей указывала на длительные и глубокие связи с ним славянского мира. Конечно, проще всего объяснить присутствие славянских рукописей, притом сравнительно не многих среди массы греческих и других иноязычных, случайностью в связи, напр., с паломничеством во св. землю: что не только русские, но и юго-славяне были довольно частыми посетителями св. мест Палестины, Сирии, реже Синая, — факт хорошо известный. Но едва ли только этим следует объяснять наличность славянских рукописей в этих местах, как занесенных и оставленных случайно (для коренного населения Востока они не были нужны) в монастырях и церквах Палестины или Синая. Косвенным указанием на необходимость поискать иного объяснения этого явления может служить русское паломничество: удовлетворяя собственному религиозному настроению русские паломники сосредоточивали свои помыслы на этом религиозном удовлетворении и ограничивались самое большее собиранием святыни, сказаний о чудесах св. мест и «довольною милостынею»: то же делали и юго-славянские паломники, как о том свидетельствуют их записи, читаемые до сих пор на рукописях, находимых в Палестине, в лавре св. Саввы, как это увидим ниже. Сюда же следует отнести то любопытное обстоятельство, что среди известных теперь нам рукописей, бывших или до сих пор находящихся на Востоке, мы до довольно позднего времени (XVII—XVIII вв.) почти не встречаем рукописей русских, а почти исключительно юго-славянские, чаще всего сербские, затем болгарские и болгаро-румынские. Объяснение этому обстоятельству, наиболее вероятное, приведу ниже. Наконец, присматриваясь внимательнее к отношениям юго-славян и румын к Палестине и Синаю в древнее время, и сравнивая те же отношения на русской почве и за то же время, при всем сходстве этих отношений мы должны будем заметить и некоторую разницу: сношения со св. землей на Руси вплоть до второй половины XVI века остаются у нас делом частной ини-

циативы, ограничиваются чисто религиозной стороной дела, тогда как на Балканском полуострове этим отношениям рано начинают придавать более широкое, до некоторой степени государственное значение, может быть, даже эти отношения имеют характер политический, т. е. то, что можно отметить и у нас после Иоанна Грозного; но и тогда эти отношения у нас не достигали того напряжения, как на Балкане, ограничиваясь, преимущественно покровительством, ктиторством, в лучшем случае, — заступничеством за единоверцев. Эта разница в отношениях к православному Востоку между Русью и Балканскими государствами найдет свое объяснение в истории и в свою очередь отчасти поможет нам объяснить появление юго-славянских рукописей на этом Востоке и отметить любопытный факт непосредственной связи восточной культуры и юго-славянской помимо посредничества Византии.

От этих общих предпосылок обращаюсь к самим фактам и начну с наиболее отдаленного пункта — с *Синая*.

## I.

Первым, сколько мне известно, из ученых, кто обратил внимание на славянские рукописи Синая, был Порфирий Успенский: будучи в 1845 году здесь, он, осматривая библиотеку монастыря, нашел в ней, кроме 1700 греческих рукописей и печатных книг, 500 рукописей арабских и сирийских, также *сорок* рукописей *славянских*, «принадлежащих болгарам и сербам, которые он просмотрел внимательно»;[1] «все они, по его словам, писаны некрасивым полууставом на пергамине, а больше на бумаге, годы обозначены только на пяти из них»;[2] он их и перечисляет, делая из них, а также и из других кое-какие выписки. Это было, как сказано, первое научное сведение о славянских рукописях на Синае: до тех пор лица, которым приходилось видеть на Синае рукописи, на славянские рукописи внимания не обращали.[3]

---

[1] Первое путешествие на Синай, СПб. 1856, стр. 208, 214.

[2] Там же.

[3] Сведения об этих лицах и свидетельства их о Синайских рукописях собраны В. Н. Бенешевичем в предисловии к I тому «Описания греческих рукописей монастыря св. Екатерины на Синае» (СПб. 1911, стр. VIII и сл.). В числе их

Посетивши Синай вторично в 1850 году, Порфирий, видимо, опять занялся славянскими рукописями монастыря, составил им для себя опись, сделал заметки, новые выписки из них; он дает такие заметки и выписки изо всех пересмотренных им рукописей;[1] сверх того в его бумагах есть и общий перечень: «Отдел славянских церковных книг», где им насчитано 34 рукописи,[2] а кроме того, еще листок, содержащий перечень. «Синайские рукописи сербские и болгарские», где дан список рукописей с определенными годами (всего 11)[3] и рукописи «без годов» (их 22). Часть этих заметок и выписок вошла в его «Первое путешествие на Синай» (1856) и целиком этими выписками покрывается.

---

отмечен, правда, один из таких посетителей, ученый иезуит-востоковед Claude Sicard, имевший возможность еще в 1725 г. ознакомиться с библиотекой Синая: он характеризует ее, как весьма богатую рукописями на разных языках, в числе их оказываются и «manuscrits russiotes»; вероятно, под этим обозначением надо подразумевать не русские рукописи в узком смысле слова, а вообще кирилловские по письму, имея в виду обычное употребление термина «русский» применительно к книгам славянским в XVII—XVIII веках на Западе. Порфирий, умевший отличать изводы рукописей, как мы только что видели, русских рукописей здесь не нашел; а до него, сколько известно, никто славянских рукописей или их отрывков с Синая не увозил: похищали рукописи преимущественно греческие, содержащие произведения классической древности (ср. П. Γρηγοριάδης. Ἡ ἱερὰ Μονὴ Σινᾶ. Ἱεροσ. 1875, стр. 20, прим. 1—о лорде W. Turner), и частью восточные; среди отрывков и цельных рукописей, идущих с Синая, поскольку они известны по каталогам европейских библиотек, русских и славянских текстов также не находится, если не иметь в виду поступивших позднее отрывков и рукописей, вывезенных оттуда Порфирием, Антонином и Тишендорфом, у которого случайно между греческими палимпсестами оказались отрывки славянские.

[1] Среди бумаг Порфирия Успенского, хранящихся в Академии Наук находится между прочими рукопись его «Первого путешествия на Синай», которая полнее печатного издания (сигн. П. А. 4; см. П. А. Сырку. Описание бумаг Проф. Успенского, стр. 195 и сл.; ср. там же, стр. 8). Кроме того в бумагах его же, хранящихся в Публ. Библиотеке (сигн. F. XVIII, 33 и 34), есть каталоги с описаниями, «большею частью довольно обстоятельными», рукописей, виденных Порфирием на Афоне и на Синае (Отчет Публ. Библ. за 1883 г. СПб. 1885, стр. 50—51). Те и другие бумаги остаются пока неизданными. В дальнейшем я пользуюсь бумагами, находящимися в Публ. Библиотеке. В бумагах сохранились кое-где пометы этого года: «переписано 28 июля 1850 г.», «1850. июля 27. на Синае».

[2] Точнее — 35: под № 22 у него две рукописи.

[3] Здесь же на этом листке поперек строк — заметка: «Вырезаны мною из переплет. Сборник: Синай»; очевидно, это — те листы рукописей, которые попали потом в Публ. Библиотеку с другими бумагами Порфирия.

В 1859 году, во второе свое путешествие по Востоку, занимался на Синае рукописями известный немецкий ученый К. Тишендорф; хотя его интересовали, главным образом, греческие и восточные рукописи, я связи с его работами по изданию текстов св. писания, он оказался невольно виновником находки и славянских рукописей: вывозя с Востока ряд рукописей и их отрывков, в особенности важных по своей древности, он привез в Публичную Библиотеку в Петербурге два палимпсеста с Синая, не бывших в руках у Порфирия. Это — теперь Публ. Библ. № 70 греч., писаный болгарской кириллицей XIII в. по греческому письму X в.,[1] и Публ. Библ. Q. п. 1. № 64, писанный по старому глаголическому письму XII в. также болгарской кириллицей (кое-где с руссизмами) в XIII—XIV веке.[2]

В 1870 году посетил Синай архим. Антонин (Капустин); он также пересмотрел все славянские рукописи Синая и позднее напечатал их перечень с немногими и очень короткими заметками;[3] по его подсчету вышло 36 кирилловских рукописей и две глаголических.[4]

Сопоставляя два перечня — Порфирьевский и Антониновский, — мы можем составить себе представление о собрании славянских рукописей на Синае в том его виде, в каком оно, постепенно слагаясь в течение веков в уединенном, отдаленном монастыре, дошло до нас до того времени, когда оно стало предметом внимания ученого мира, отчасти хищений.[5] Но составить такое представление можно не без колебаний и затруднений, и оно на безусловную точность претендовать не может. Причина этого заключается в свойствах того и другого перечня: говоря об одном

---

[1] О нем см. E. Muralt. Catalogue de manuscrits grecques, Spb. 1864, p. 41, также П. А. Лаврова в Энциклопед. Слав. Филолог. 4, 1, стр. 133, и его же заметку в Южнославенском Филологе, II, Беогр. 1921, стр. 61—64.

[2] О нем см. у П. А. Лаврова в Энциклопед. Слав. Филолог., 4, 1, стр. 135, а также у И. В. Ягича в Энциклопед. Слав. Филолог., 3, стр. 72 и 230.

[3] Из записок Синайского богомольца. Труды Киевск. Дух. Акад. 1873 г. сент., стр. 348—354 (в примечании).

[4] Последние Порфирием не отмечены, хотя в его собрании и нашелся отрывок в два листа из Евхология. См. Отчет Публич. Библ. за 1883 г., стр. 57.

[5] Это сопоставление дается мною в Приложении: там приводятся целиком заметки того и другого, присоединены также те сведения, которые удалось собрать и из других источников.

и том же, об одной и той же рукописи, авторы перечней настолько подчас различно отнеслись к материалу, даваемому рукописью, что в ряде случаев приходится колебаться при самом сопоставлении и ставить вопрос: об одной и той же рукописи идет ли речь в данном случае? Сверх того, принятые теперь требования от описания рукописи ни тем ни другим обозревателем не выполнялись последовательно: арх. Порфирий давал определение времени рукописи почти исключительно только тогда, когда рукопись была сама датирована (они у него и перечислены отдельно); в остальных случаях он указывал лишь материал рукописи, характеризовал (и то не всегда) почерк в самых общих и мало говорящих палеографу выражениях,[1] определял на глаз формат и извод, наконец, давал выписку из текста, впрочем, далеко не точно соблюдая графические особенности письма (напр. А и *я*; начало слова выписано точно, вторая половина — современным нам правописанием русским, хотя рукопись определена, как сербская или болгарская).[2]

Антонин, просматривавший рукописи на-скоро,[3] очень краток в своих заметках: кроме названия, он дает указание на материал, формат, век, счет строк на странице, изредка на объем рукописи, еще реже выписку в виде короткой фразы, при чем правописание и им не соблюдается. И самое определение века рукописи на точность не претендует: «за приуроченную книгам эпоху я не ручаюсь», заканчивает он свою заметку.

Трудность достичь прочных результатов из сопоставления обоих перечней увеличивается и тем, что, если на самой рукописи не выставлено или не сохранилось заглавие, или если это — не евангелие, апостол

---

[1] В таких, напр., выражениях: «некрасиво», «мелко», «дурного почерка», «изряден», «неправильного и некрасивого почерка», «неровным полууставом», «мелко и нехорошо», «не совсем правильно», «гражданским полууставом», «полууставом не очень хорошо», «устав не хорош», «полуустав худ», «полуустав весьма худой», «довольно хорош» и т. д.

[2] О манере делать выписки можно судить по напечатанным им цитатам в его «Путешествии».

[3] Он главный свой труд посвятил разбору и описанию греческих синайских рукописей; славянские же он, по его словам, пересмотрел перед самым своим отъездом, ограничившись нумерацией их и сделанными наспех заметками; его нумерация принята в каталогах монастыря; ее придерживаюсь и я в дальнейшем.

или псалтирь, весьма часто каждый из авторов называет рукопись по-своему, хотя по другим признакам можно предполагать, что оба они говорят об одной и той же, но и эти второстепенные признаки не всегда налицо; так напр., находим такое различие в названии одной и той же рукописи у Порфирия и Антонина: № 6. Октоих — № 22. Параклитик; № 7. Параклитик — № 22. Богородичник; № 16. Слова Иоанна Златоуста — № 31. Панигирик; № 19. Поучения — № 36. Толкование еванг.; № 22-б. Триодь постная — № 24. Пентикостарь; № 23. Поучения — № 32. Панигирик; № 27. Притчи — № 11. Профитолог; № 31. Поучения и сказания — № 33. Слова подвижнические. Еще более неустойчивости — в определениях формата рукописи: число расхождений здесь больше, нежели совпадений: если авторы расходятся в определении 12-й д. л. и 16-й (П. № 5 и А. № 30), 4-ка большая и лист (П. № 25 и А. № 25), или 8-ка небольшая и 16-ая д. л. (П. № 12 и А. № 18), то это еще большого затруднения создать не может; но есть колебания между 12 д. л. (П. № 9) и 32-й (А. № 26), 16-й (П. № 21) и 4-й (А. № 14), 4-й (П. № 3) и 12-й (А. № 13) и т. п. Ясно, что оба автора чрезвычайно произвольно, на глаз, определяли формат рукописи, и теперь трудно сказать, кто из них ближе к истине в каждом отдельном случае.

Наконец, если принимать во внимание все сказанное о манере определения рукописей у того и другого автора, то в результате получается не только ряд сомнительных сопоставлений, но и невозможность произвести это, хотя бы и приблизительное, сопоставление во всем собрании целиком; поэтому у Порфирия остается несколько рукописей, параллельных коим не оказывается у Антонина (именно: №№ 41, 42, 43 по моей нумерации, продолжающей Антониновскую), при почти одинаковом числе всех рукописей у обоих (35 — у Порфирия, и 36 — у Антонина); и наоборот, у Антонина оказалось несколько рукописей, соответствующих которым не нашлось у Порфирия (именно: №№ 1, 2, 20). Чем это объяснить? Изменением состава собрания на пространстве 1845 (1850) и 1870 годов объяснять это невозможно: фактов поступления новых рукописей, равно как и отчуждения прежних (славянских) нам неизвестно, и предполагать такие факты за это время едва ли следует. Видимо, дело надо скорее

всего понимать так: цифра *сорок*, указываемая Порфирием в его «Путешествии», должна быть понимаема лишь как приблизительная, а так же приходится понимать и сообщения обоих авторов о том, что они просмотрели *все* славянские рукописи на Синае; может быть, в массе иных одному не попались (или не были принесены из хранилищ) одни рукописи, другому — другие. Так можно думать уже потому, что список Антонина совершенно ясно указывает на то, что по крайней мере две рукописи (№№ 1 и 2), бывшие у него в руках, остались неизвестными Порфирию: одна из них недавно вывезенное и поступившее в Публ. Библиотеку известное Добромирово евангелие, которое, несомненно, будь оно в руках Порфирия, было бы им так или иначе отмечено, как рукопись не только весьма древняя (XII в.), но и замечательная. Таким образом, исходя из таких соображений, мы в праве предположить, что общее число рукописей кирилловских на Синае, действительно, около 40 (36, отмеченных Антонином, и три не попавших в его список); если же сюда прибавить рукописи: две глаголических, известных Антонину (Псалтирь и Евхологий) и два палимпсеста (Публ. Библ. греч. № 70 и Q. п. 1, № 64), получим всего 43 рукописи, которые и составляли собрание рукописей ко времени начала интереса к ним в науке. В таком виде мы можем составить себе представление о Синайском собрании славянских рукописей по данным из вторых рук. Конечно, точный состав этого собрания, равно как и вполне точное представление о каждой рукописи собрания, возможны только при непосредственном пересмотре их на месте, применительно к современным научным требованиям, присоединив сюда ознакомление с теми из этих рукописей, которые теперь перешли в доступные нам европейские собрания. Но и те сведения, какие мы получили на основании доступного нам материала, могут быть с пользой употреблены для нашей цели более общего характера — для ознакомления с судьбами славянской письменности на далеком Востоке.

По самым целям настоящего исследования прежде всего нас интересует *хронологическое приурочение* синайских рукописей: оно, ведь, может скорее всего дать нам указание на то время, когда на Синае была славянская колония монахов, приносивших и пользовавшихся рукописями или там занимавшихся их изготовлением. Конечно, такое указание без-

условно точного значения иметь не может, а лишь приблизительное, но и такое будет для нас ценно, за неимением иных, в смысле установления факта существования не позднее того или иного века славянской письменности на Синае. Число точно датированных рукописей, как мы видели, не велико — едва ли более четверти всех нам известных здесь. Это число может быть несколько увеличено теперь в виду того, что некоторые рукописи уже подверглись точному научному обследованию или изданию: эти получили, по крайней мере, твердое приурочение по столетиям. Конечно, меньшую цену для нас имеют приурочения Антонина, осторожно, как мы видели, не берущего на себя ответственности за свои приурочения. Тем не менее с его определениями времени написания отдельных рукописей не считаться нельзя: для большинства рукописей дата дается только им, тогда как Порфирий по отношению к недатированным рукописям ограничился лишь общей характеристикой их: «Что касается прочих (т. е. рукописей, кроме датированных), коих годы неизвестны, то большая часть из них, и особенно пергаминные, принесены были на Синай, вероятно, в XII, XIII и XIV веках, потому что в этот круг времени процветала духовная словесность Болгар и Сербов».[1] С другой стороны, мы до некоторой степени можем судить, насколько осторожный и внимательный арх. Антонин мог удачно определять века славянских рукописей,[2] сравнив его определения с более надежными, установленными в отдельных случаях вполне научно. Это сравнение говорит, несомненно, в пользу того, что при определении веков славянских рукописей Антонин был на верном пути, хотя и обнаруживает склонность делать рукопись несколько старше, чем она была сочтена позднее исследователями. Так, Добромирово евангелие (у него № 2) им отнесено

[1] Путешествие, стр. 215.

[2] В. Н. Бенешевич, имевший возможность проверить по натуре датировку Антонином греческих рукописей, так характеризует описание греческих синайских рукописей, сделанное Антонином: «Труд этот до сих пор (т. е. и после издания каталога Гардтхаузена) не утратил своей ценности и заслуживает полного одобрения за свою *точность*... за *осторожность* и *внимательность в датировке*» (Описание греческих рукописей мон. св. Екатерины на Синае, I. СПб. 1911, стр. XVII — XVIII). И сам Антонин подтверждает такую оценку его отношения к определению времени рукописи: в отличие от остальных рукописей он не дал никакого определения обоим глаголическим текстам, поставив вместо даты — ?

к XI—XII веку; И. В. Ягич, его исследовавший, отнес рукопись к XII веку; Канонник (№ 29) у него отнесен к XIII веку, тогда как составители Отчета Публ. Библ. (куда поступила рукопись, Q. п. 1, № 58) отнесли ее к XIV веку; среднеболгарский Златоустник (№ 31) у Антонина XII в., в Отчете Публ. Библ. (Q. п. 1, № 56), у Ягича и П. А. Лаврова XIII—XIV в.; Профитолог (№ 11, Публ. Библ. F. I. 590) — к XV веку, в Отчете Публ. Библ. за 1883 г. — к XVI в.; Октоих (№ 19) — у Антонина XV в., у Порфирия (№ 6) — XVI в. Но Часослов (№ 13) одинаково отнесен к XIII в. и им, и в Отчете Публ. Библ. за 1899 г. (стр. 156—57). С этой оговоркой, в то же время не распространяя ее на все славянские синайские рукописи, можно на основании показаний Антонина и других сведений об этих рукописях подойти к общей картине этого собрания с хронологической стороны. Так, исходя из списка Антонина и внося в него поправки на основании датированных и доступных нам рукописей, мы могли бы все славянские рукописи на Синае распределить по векам таким образом: к XII веку относятся между ними *семь* рукописей;[1] к XIII в. — *пять*;[2] к XIII—XIV в. — *четыре*;[3] к XIV в. — *тринадцать*;[4] к XV в. — *пять*;[5] к XVI в. — *две*;[6] к XVII в. — *четыре*;[7] к XVIII в. — *три*.[8]

Если присмотреться к этому распределению рукописей по векам, можно из него вынести такие наблюдения: в XII веке начинается приток славянских рукописей на Синай, при чем среди них в это время заметную роль играют тексты глаголические; затем, в XIII веке приток этот несколько ослабевает, но сразу заметно опять усиливается в XIV в.,

---

[1] Если сюда же отнести и глаголический основной текст палимпсеста Q. п. I, № 64. Таким образом это будут: №№ 2, 5, 6, 7, 37, 38 и 40 — по нумерации Антонина.

[2] Если сюда отнести и две рукописи XII—XIII в.; стало-быть: №№ 4, 12, 13, 34, 39.

[3] Именно: №№ 8, 30, 31, 40; первые две может быть осторожнее относить к XIV веку.

[4] №№ 9, 16, 23, 24, 17, 28, 29, 33, 20, 21, 19, 22, 25; если сюда отнести еще № 8 и 30, будет 15.

[5] Именно: №№ 10, 26, 27, 32, 35.

[6] №№ 11, 18.

[7] №№ 14, 15, 41, 42.

[8] №№ 1, 36, 43.

в XV в. он опять слабеет, чтобы в последующие века стать очень незначительным; иначе сказать, славянская письменность в XII — XV вв. на Синае живет более интенсивной жизнью, испытывая некоторые колебания, нежели в XVI—XVIII веках.[1]

Откуда идет этот поток на Синай, мы имеем возможность судить по изводам дошедших до нас текстов, принимая в то же время во внимание и то, что рукописи частью могли и писаться на Синае; но это последнее обстоятельство, конечно, по существу дела не меняет, так как синайские славянские писцы вполне естественно держались, разумеется, своих народных изводов, даже если и писали их с рукописи чужого извода. Так, по отношению к изводам, поскольку позволяют о том судить скудные и не во всем точные заметки Порфирия и непосредственное знакомство с отдельными рукописями, нам доступными или изданными, картина синайского собрания могла бы быть представлена приблизительно так: количественно болгарские рукописи (относя сюда и глаголические) и сербские представлены почти в одинаковой степени,[2] тогда как русские значительно уступают юго-славянским в количественном отношении.[3] Но это же соотношение рукописей по изводам дает возможность в соединении с хронологией текстов сделать и еще один вывод — повидимому, раньше других на Синае появилась письменность болгарская: к XII веку относящиеся рукописи, в том числе и глаголические, сталобыть, старейшие, по изводу преимущественно болгарские;[4] начиная с XIII века, можно констатировать появление и затем в XIV постепенное усиление письменности сербской, причем довольно значительное

[1] Таким образом сделанное нами наблюдение в значительной степени совпадает с тем, которое приведено было со слов Порфирия. Поэтому едва ли можно признать правильной характеристику Синайского собрания славянских рукописей, даваемую ему Л. Гейтлером, имевшим возможность также непосредственно видеть рукописи на месте: Med njimi (т. е. синайскими славянскими рукописями) osim nekoliko *neznatnich* ćirilskih rukopisa *iz mladoga doba*, koje sam na brzu ruku prelistao, ima illirska... (Euchologium... Zagreb 1882, uvod, str. I).

[2] Именно: болгарских 17 и сербских 19, на протяжении XII — XVIII вв., или 14 и 16 для XII — XV веков, нас, главным образом, теперь интересующих.

[3] Их всего оказалось 6 или 4 (для XII — XV веков).

[4] Единственная сербская и обе русских, отнесенные Антонином к этому веку, может быть, осторожнее отнести к следующему, в виду указанной выше склонности его к преувеличению древности рукописей.

число (четыре на пять сербских) болгарских рукописей, относящихся к XIV веку, не нарушает этого общего впечатления, в виду той роли, какая, как увидим ниже, принадлежала в истории болгарской письменности Македонии; XV век дает также видимое преобладание той же сербской письменности на Синае; наличность здесь в этом веке болгарских рукописей получает свое объяснение в новом источнике доходов монастыря: эти рукописи идут из Молдавии вместе с дарами новых покровителей монастыря — воевод молдавских. Русская письменность, слабо здесь представленная, картины не изменяет: русские рукописи могли или заноситься теми же юго-славянами или попадать случайно с редкими путешественниками ко св. местам, изредка попадавшими и на Синай.

Таким образом смена изводов, главным образом болгарского и сербского, может быть констатирована в синайской славянской письменности с большой вероятностью для XII — XV веков. Смена эта получает свое историческое объяснение в связи с общей историей славянской письменности на Балканском полуострове.

Есть и еще, правда, немногие, но не лишенные интереса сведения, несколько расширяющие наше знакомство с югославянской письменностью на Синае.[1]

---

[1] Сверх нижеследующих немногих заметок, касающихся Синая и его рукописей, можно еще упомянуть о лицах, позднее, нежели Порфирий и Антонин, имевших непосредственно дело со славянскими Синайскими рукописями, так или иначе ими пользовавшихся. Так, в 1880 году на Синае был Л. Гейтлер, сделавший там копии с обоих глаголических текстов Синая — Псалтири и Евхология — которые он вскоре и издал (Загреб 1882, 1883). Вскоре после него был там Н. П. Кондаков, который снял фотографии и кальки с отдельных страниц с тех же глаголических памятников, а, кроме того, с кирилловских рукописей №№ 12, 6, 29, 23 (по Антонину); он интересовался преимущественно художественной стороной рукописей (см. его «Путешествие на Синай в 1881 г.», Одесса, 1882, стр. 159—160). В конце 80-х годов описывал Синайские славянские рукописи побывавший тогда на Синае сербский (боснийский) митрополит Савва Косанович: он напечатал свое описание в «Дабро-Босанском Источнике», 1887 г., II (Сараево). Это описание, равно как и «Бршлан, лист за забаву, поуку и книжевност» (Нови Сад, 1885), где помещено что-то о Синайских рукописях, остались мне недоступными в их подлинном виде (этих изданий не нашлось ни в Ленинграде ни в Москве); но и они приняты мною во внимание по стольку, поскольку они по отношению к записям на рукописях были использованы

Среди рукописей, находящихся теперь в Патриаршей библиотеке в Иерусалиме, есть сербская известная Триодь конца XIV века, (может быть 1374 года), писаная иеромонахом Иаковом на Синае для сербского храма арх. Михаила в Иерусалиме.[1] Рукопись до настоящего времени находится в Иерусалиме. Такая же Триодь цветная находится среди рукописей, вывезенных в 1835 году из Палестины (может быть из лавры св. Саввы или из церкви арх. Михаила в Иерусалиме), А. С. Норовым, (теперь в Гос. Ист. Музее собр. А. С. Уварова, № 521, f°): она писана в 1374 году, на бумаге же, также сербская, писана также на Синае, тем же иеромонахом Иаковом, также для церкви арх. Михаила в Иерусалиме.[2]

Сюда же следует присоединить еще одно известие, так или иначе касающееся славянских рукописей на Синае, именно: это — запись 1360 года на евангелии сербском 1337 года в Хиландаре (№ 11, по каталогу Саввы Хиландарца); в этом 1360 году Сербский митрополит Иаков (видимо тот же, который, по Порфирию, в том же году пожертвовал на Синай Триодь цветную и постную: см. выше, № 23 и 24) посылает туда же следующие книги: «*сугубнъ тріпѣснецъ и часословецъ, псалтиръ и чтение Златоустово*». *Сугубнъ тріпѣснецъ* есть,

---

Л. В. Стояновичем в его издании «Стари српски записи и натписи» (три тома, Беогр. 1902). В «Русском Паломнике» за 1889 год вышел перевод «Путешествия» Саввы Косановича, но без описания рукописей. В 1908 году подробно описал девять болгарских рукописей Синая В. А. Розов (Минало, III, 9 (София 1914), стр. 16—37); эта статья использована мною в Приложении. Наконец, в 1911 году В. Н. Бенешевич, будучи на Синае, снял полные фотографии (ротографии) с обоих глаголических текстов Синая (по этим снимкам была издана в Академии Наук Псалтирь в 1922 г.), а сверх того, отдельные страницы из большинства славянских рукописей и, кроме того, снял одну рукопись целиком (отрывок сербского часослова, не имевшего библиотечного шифра; может быть, он тожествен с упомянутым у Порфирия «малым часословом» в 16 д. л. писца Тудора 1755 г., оставшимся неизвестным Антонину?) Сведения мною заимствованы из предисловия к I выпуску «Памятников Синая» (1925) В. Н. Бенешевича. Снимки В. Н. Бенешевича поступили в Академию Наук (Азиатский Музей: fasc. photogr. 56 — всего 23 листа), где были мною изучены.

[1] См. Н. Ф. Красносельцев. Славянские рукописи Патриаршей библиотеки в Иерусалиме, № 1. «Правосл. Собес.», 1888 г. и отдельно, Казань, 1889.

[2] См. А. Х. Востоков. Описания рукописей... Зап. И. А. Н. по II Отд., кн. II, 2, стр. 102.

конечно, Триодь цветная и постная и, вероятно, та самая, которую имели в руках Порфирий и Антонин (№ 23 и 24); *Чтение Златоустово* может быть отожествлено с упомянутым выше № 31; а *часословец* и *псалтирь* можно счесть теми рукописями, которые Порфирий отметил у себя № 30-м (списание попа Иоанна = Ант. № 10) и № 31 (часослов сербский, на пергамине, в 4-ку = Ант. 12). Таким образом, дело надо понимать, повидимому, так: пославши перечисленные рукописи на Синай, митроп. Иаков записал о том в Евангелии 1337 года, которое осталось или у него или составляло собственность Хиландаря.[1]

Вот, кажется, все сведения о славянских рукописях на Синае, какие удалось, собрать до сих пор. При всей их скудности и частью недостаточной определенности, мы можем все же попытаться взглянуть на них, как на один из источников для истории сношений юго-славян с Синаем, при том с довольно раннего времени: оставшиеся там недавно бывшие там рукописи явятся наглядными свидетелями когда-то бывших отношений, если нам удастся связать их с фактами того же порядка из другой области прошлого. Такую попытку, кажется, можно сделать, если пристальнее присмотреться к перечисленным рукописям, хотя бы на основании собранных нами о них сведений; в то же время на такую попытку приходится смотреть, именно только как на попытку в виду явной недостаточности материала, даваемого нашими заочными сведениями: из сорока рукописей, которые видели Порфирий и Антонин, вместе с немногими другими, известными нам из иных источников, изданий и исследований, мы можем говорить с некоторой уверенностью только о немногих, а из числа старейших — только о полутора десятке. С другой стороны, некоторым оправданием подобной попытки может, думается, служить то обстоятельство, что до Порфирия и Антонина никто славянскими рукописями Синая не интересовался, а потому собрание их (поскольку не

---

1 Ср. у П. А. Сырку. «К истории исправления книг в Болгарии», I, в. I. Спб. 1899, стр. 453—454. Целиком см. эту запись у Л. В. Стояновича. Записи и натписи, I, № 116; ср. там же, № 69. Там же, у Л. В. Стояновича, (II, № 4433) приводится еще одно неопределенное указание еще на одну синайскую славянскую рукопись: в XVII веке какую то книгу туда дал какой то старец Исаия, и книга эта еще в 1888 году числилась на Синае. Ср. такие же упоминания там же №№ 4252—4254.

погибло от времени) дошло до нас в своем старинном виде, неся в себе следы своей истории.[1] При этом, повторяю, нельзя от себя скрывать недостаточности сведений, которыми мы располагаем: только непосредственное обращение к самим рукописям помогло бы нам проверить и дополнить неясные данные, полученные нами из вторых рук; поэтому к имеющимся пока сведениям приходится относиться с большой осторожностью, выделяя из них наиболее надежное.

Присматриваясь ближе к изводам этих старейших рукописей, мы можем приблизительно предположить и источник, откуда они притекали на Синай: большинство их [исключая разве сербский часослов XII—XIII в. (Ант. № 12) и Триодь 1360 г. (Ант. № 23 и 24)] либо староболгарские (Добромирово ев., обе глаголические), либо среднеболгарские; кроме того можно предположить, что поток этот на Синай шел из западной Болгарии или Македонии по преимуществу: оба глаголические текста считаются по происхождению македоно-болгарскими,[2] оттуда же ведут свое происхождение и «Златоуст» XIII в. и Добромирово Ев. XII в. (И. В. Ягич), а Иаков, пожертвовавший Триодь цветную и постную на Синай, большой книголюбец, заказывавший много рукописей и рассылавший их по монастырям, был игуменом в Призрене и митрополитом в Серресе, в той же Македонии.[3] Даже такое явление, как равноправие болгарского и сербского изводов рукописей XIV в., если его допустить на основании сохранившихся текстов на Синае для этого времени, не будет противоречить нашему предположению о македонском источнике обогащения рукописной библиотеки Синая. И так, приток славянских рукописей из

---

[1] К сведениям о славянских рукописях, имеющих отношение к Синаю, проникшим в печать можно добавить еще такое указание: это — четверо-евангелие, писаное на Синае, в XVI—XVII в. иеромонахом Иоанном, как гласит на нем недатированная запись (см. Стојановић. Записи и натписи, II, № 4254), и Богородичник того же времени, писаный иеромонахом Мефодием (см. там же, II, 4252); последний может быть одно лицо с писавшим Октоих, подаренный Гюргом логофетом, и упоминаемый Порфирием (стр. 217)?

[2] И. В. Ягич. Глаголическое письмо, стр. 230. Энциклоп. Слав. Филол. III.

[3] По его заказу изготовлено в 1355 году сербское евангелие с его изображением и бывшее прежде в мон. св. Павла на Афоне, теперь в Британском Музее (См. ЖМНП 1878, X и Летопис Матице Српске, кн. 197 и 213); он же, мы видели, посылал в 1360 г. на Синай целый ряд рукописей (Стојановић, Записи и натписи, I, № 116 и 69).

Европы, вероятно из Македонии по преимуществу, должен быть относим хронологически к XII—XIV вв. и должен намекать на какие-то связи Македонии с Синаем, при том непосредственные в некоторых случаях, как об этом можно будет заключать из последующего.

Но те же рукописи, как сохранившиеся на самом Синае, так и иные дают возможность далее обосновать и дополнить высказанное предположение: если относительно указанных выше рукописей можно говорить не об их синайском происхождении, а только о присылке или приносе их на Синай, то на основании других, теперь уже не-синайских, рукописей можно говорить, что они писаны были на самом Синае; я имею в виду Цветную Триодь № 1 Иерусалимской Патриаршей Библиотеки конца XIV века и Цветную же Триодь 1374 года (Норовского собрания) Историч. Музея (№ 521 Увер.). Как гласят послесловия обеих этих рукописей, писаны они были «оу светои Синаи роукою рабь божіихь іермонаха Иакова и Яничиа светомоу архистратигоу црькве сербьскиѣ оу Ієроусалимѣ извода светог. рекога правога».[1] Стало быть, уже в XIV веке на Синае не только были свои славянские рукописи, но там жили и люди (в данном случае, надо полагать, сербы), занимавшиеся списыванием рукописей, между прочим для своих земляков в Иерусалиме, с которыми, ясно, у них были какие-то сношения в XIV веке. Исходя из этого вывода, можно еще и несколько далее идти в предположениях относительно письменной деятельности на Синае: и упомянутые не раз уже палимпсесты № 70 греч. и № 64 глагол., относящиеся к тому же времени, XIII и XIV вв., может быть местного, синайского происхождения; первый мог быть там написан на остатках уже негодной к употреблению греческой рукописи X века, второй — на такой же рукописи XII века глаголической.[2]

[1] Послесловие целиком приведено у А. Х. Востокова (Описания Норовских рукописей. Учен. Зап. И. А. Н. по II Отд., кн. 2, стр. 102) по Норовской рук. и в сохранившейся части по Иерусалимской у Н. Ф. Красносельцева (Слав. рукописи Патриаршей Библ. в Иерусалиме Казань 1889, стр. 7—8). В обеих рукописях текст послесловия буквально одинаков; после приведенной выписки в нем следует заметка о трудности перевода с болгарского извода на сербский, заклятие о неотчуждении рукописи, порче и (в Норовской) дата.

[2] Кроме того, можно напомнить, что в XIV веке глаголица, как известно, уже почти вышла из употребления у православных славян: из этого времени

Раз уже зашла речь о связях «славянского» Синая с другими странами, можно в числе таких местностей указать также на Афон: повидимому и здесь для Синайских славянских иноков приготовлялись или, по крайней мере, отсюда посылались на Синай рукописи: об этом говорит, с одной стороны, упоминание о «правом светогорском изводе», с которого писали Иаков и Иоанникий Триодь в конце XIV века, с другой стороны, упомянутая запись 1360 года Иакова, митрополита Сербского на Хиландарском евангелии 1355 года, где он горячо просит «братию сербов и греков (видимо, живущих в Синае) беречь книги, посылаемые дому Богородицы на Синае и перечисляет их: два тома Трипесньца, Часослов, Псалтирь, Поучения Ио. Златоуста».[1]

Наконец, в том же отношении будет не лишним, быть может, остановиться на извлекаемом из нашего подсчета синайских рукописей по изводам намеке на какое-то соприкосновение синайской кирилловской письменности и с Русью. Как мы видели, она представлена слабо сравнительно с южно-славянской: для интересующей нас эпохи мы имеем из сорока слишком только четыре рукописи русского извода, из которых, правда, две (№ 5 и № 6) относятся Антонином, не определявшим, впрочем, изводов, к XII в., т. е. к старейшим среди дошедших до нас в этой библиотеке, затем, одна (№ 12) отнесена к XIII в. и одна (№ 9) — к XIV-му. Но в то же время нельзя при этом не заметить, что самое отнесение их всех к *русскому* изводу, не особенно надежно: одна — Апостол XII в. — сочтена была Порфирием за сербскую, хотя выписки, им из нея сделанные, правда, как мы знаем, не вполне точные (см. у него в черновиках № 24), дают такие формы, которые скорее указывают на русский извод, может быть идущий от болгарского (что́ для XII в. вполне возможно), нежели на сербский; и вторая из рукописей XII в. (Псалтирь № 6) действительно должна быть отнесена к русскому изводу; третья (№ 12 — Часослов XIII в.) также несомнинно, русская;

мы не знаем православных цельных глаголических рукописей, изредка встречаем лишь отдельные слова глаголицей в кирилловских рукописях (ср. напр., в XXII т. Архива Ягича статью Л. В. Стояновича, стр. 510 и сл.).

[1] См. Л. В. Стојановић, Записи и натписи, I, № 116.

судя по выпискам у Порфирия, и № 9 (Псалтирь XIV в., у Порфирия в бумагах № 32) может быть сочтен скорее всего русским по изводу.[1] Факт того же порядка — намек на связь Синая и Руси — вероятно, следует видеть и в палимпсесте № 64 (по глаголическому письму): по крайней мере, первые его две статьи (конец какого-то аскетического поучения и Чудо св. Николая об Агриковом сыне Василии), болгарские по изводу, XIII—XIV в. по письму, предполагают русские оригиналы (явные руссизмы в болгарской передаче), с которых они, как мы предположили раньше, могли быть списаны на Синае; а это, в свою очередь, предполагает наличность там в XIII—XIV в. какой-то русской по изводу рукописи, либо теперь утраченной, либо оставшейся недоступной для имевших дело со славянскими рукописями на Синае. Аналогичные указания дает и другой палимпсест, вывезенный с Синая К. Тишендорфом (Публ. Библ., греч. № 70): в нем, в общем болгарском по изводу, среднюю часть занимает (л. 52—102 об.) большой отрывок (из Старчества и Патерика скитского), писанный рукой отличной от остального; по языку — памятник явно русского извода, по письму — XIV века. К сожалению, факт нахождения на Синае, при том в такое ранее время, как XII—XIV в., рукописей русского извода не поддается удовлетворительному, достаточному объяснению ни в связи с историей русской письменности, ни в истории русских сношений с Востоком: о подобных сношениях в это время, тем более сношениях более или менее постоянных, опирающихся на другие явления русской жизни, мы определенного почти ничего не знаем, хотя и отрицать таковые вообще у нас нет оснований.[2] Из русских паломников (при посредстве которых естественнее всего такие отношения могли завязываться и поддерживаться) старшим, кто посетил и

---

[1] В данном случае, оказать некоторую помощь в установлении изводов могли бы упомянутые выше фотографии В. Н. Бенешевича и фотографии альбома Н. П. Кондакова; среди же снимков В. Н. Бенешевича, и Н. П. Кондакова снимков с № 9 (Порф. 32) не оказалось.

[2] Так, из летописи мы знаем, что в 1371 году приезжал за сбором милостыни в Москву греческий митрополит Герман, а в 1376 г. для той же цели Синайский митрополит Марк — в Новгород. См. Полн. Собр. Рус. Летоп. III, 90; IV, 66; V, 231; VIII, 18, 24. Может быть, эти лица тожественны с Германом и Марком, упоминающимися в Хождении Агрефенья (70-е годы XIV ст.); ср. у А. Н. Пыпина. Русское паломничество. С.-Пб. 1896, I, стр. 40—41.

описал Синай, можно назвать Варсонофия (1461—1462); но это обстоятельство, конечно, не исключает, a priori, и более ранних путешествий русских людей на Синай, хотя бы в виду известной тесной связи с Синаем Иерусалима и вообще Палестины в прошлом, и в паломничестве в частности; а русские путешествия в Палестину, откуда паломники *могли* посещать и Синай с Египтом, засвидетельствованы памятниками письменности уже с начала XII столетия (Даниил игумен) и с этого времени могут считаться явлением довольно устойчивым в русской жизни; есть даже намеки на то, что у русских с довольно раннего времени в Палестине были и свои насиженные места, приюты, где русские люди подолгу живали и откуда, подобно другим славянам, как это увидим ниже, могли совершать хождения по Палестине, а также, возможно, и на Синай, занося туда с собой и свои рукописи.[1] Судя же по сравни-

[1] Такое предположение представляется весьма вероятным в виду показаний, извлекаемых из «Хождения» игумена Даниила: он за свое 16-ти месячное пребывание в Палестине жил в лавре св. Саввы Осв., откуда и совершал свои обходы по св. Земле (Прав. Палест. Сборн. I, 3, стр. 4); отсюда же получил он и своего «вожа и языка», старца, который уже 30 лет жил в Галилее, из них 20 лет — в лавре св. Саввы (там же, стр. 101). Старец этот, если нельзя доказать, что он был русским, либо славянином, во всяком случае знал либо русский, либо какой-либо из славянских языков: Даниил по-гречески или не знал вовсе, или, если и знал, то плохо, чем объясняется его замечание в начале «Хождения»: «невозможно бо безъ вожа и безъ языка испытати и видѣти всѣхъ святыхъ мѣстъ» (там же, стр. 4). Повидимому, какой-то центр для русских или, может быть, славянских паломников или людей, дольше обычного остававшихся в Палестине, был в лавре св. Саввы: тот же Даниил часто в описании своего путешествия возвращается к ней, ея святыням, особенно подробно ее описывает, в ней заносит в синодик на вечное поминовение русских князей и тому под. (там же, стр. 26, 53—55, 57, 101, 132, 140). Это предположение находит себе подтверждение в сербском житии св. Саввы Сербского, составленном в 60-х гг. XIII в. Доментианом (кстати сказать, также лично бывшим в Палестине и в частности в лавре св. Саввы): во время своего путешествия ко св. местам Савва Сербский посещает и лавру св. Саввы Осв., при чем, какс ообщает Доментиан, поклонившись там в монастыре Иверцев, «и пакы иде кь светомоу Михаилоу вь роушьскыи манастирь, тоу близоу за великою црькьвию (т. е. в сети монастырей и скитов и келлий, составлявших «великую лавру» св. Саввы Осв.); и тоу поклонениѥ сьтворивь, и тако сьтворьше вечерьнюю служьбоу, и доуховьно и тѣлесьно оутѣшившесе сь братиями тоу живоуштими, поутриа же прѣосвештеныи обиде вьсь градь светааго Савы и все црькьви соуштеѥ тоу.....» (см. Ђ. Даничић. Живот св. Симеуна и св. Саве. Беогр. 1865, стр. 272). Роль лавры св. Саввы для юго-славян последующего времени нами будет отмечена в дальнейшем.

тельно небольшому количеству рукописей русского извода на Синае, можно предполагать, что посещения эти и пребывание на Синае русских были также ограниченны и, весьма возможно, лишь случайны, в виду отсутствия каких-либо более прочных связей далекой Руси с отдаленным Синаем по крайней мере в раннее время (до XV — XVI вв.), даже таких, какие намечаются для юго-славян.

Исходя из состава синайского собрания славянских рукописей и содержания отдельных из них можно попытаться сделать и дальнейшую характеристику здешней книжности и ея носителей. Собранная здесь коллекция заключает в себе не только книги богослужебные, которые, естественно, преобладают численно,[1] но и литературу четью; здесь находим: Панигирики (№ 31 и 32) со словами Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Петра Дамаскина, Макария Великого, Евсевия Александрийского, Ефрема Сирина и др., отдельное собрание слов Исаака Сирина, собрание слов подвижнических (№ 33, 35), статьи исторического, частью местного характера (какова, напр., повесть о старцах Синайских в № 32). Помимо этого обычного круга монастырского чтения, встречаем среди статей синайских рукописей и более широкий по назначению, каковы Сказание о чуде св. Николы и ряд апокрифов: Откровение Варуха, Беседа на горе Елеонской, Мефодий Патарский (палимпсесты), послание Пилата к Тиверию (в № 31), Сказание о 12 пятницах (в № 34) — словом, это обычная четья литература того времени в юго-славянской письменности. Такой состав славянских руко-

[1] Они нужны были для богослужения, которое совершалось на Синае не только на греческом, но и на других языках, смотря по народности его совершавших. Такое мнение, высказанное арх. Порфирием (Перв. путеш., стр. 214) находит себе подтверждение, быть может, и в житии св. Саввы Сербского (Доментиановом): Савва, поклонившись Неопалимой купинѣ, «идеже и до дьнесь иереи боси слоужеть светоую литоурьгию, и ть самь прѣосвештеныи на мѣстѣ томь слоуживь прѣдь господемь светоую литоурьгию тѣмьжде образомь» (изд. Ю. Даничича, стр. 313). Конечно, имея в виду образованность и оффициальное положение Саввы вообще, можно допустить, что он мог совершать службу и по гречески; но едва ли такое предположение необходимо: наличие славянских богослужебных книг и славянских иноков во время пребывания Саввы на Синае, говорит за то, что там и помимо Саввы совершалось славянское богослужение, как это было допущено по отношению к арабам, сирийцам, грузинам и другим народностям.

писей Синая говорит скорее за то, что они расчитаны были не только для удовлетворения мимолетных гостей в виде паломников, приходивших сюда помолиться и поклониться святыне, но и на более устойчивый контингент синайской славянской братии, не только совершавшей здесь богослужение на славянском языке по своим книгам, но и занимавшихся чтением и списыванием того, что удовлетворяло обычным запросам грамотных людей XII—XIV веков. Таким образом, исходя из состава книг славянских на Синае, мы получаем возможность говорить о существовании здесь в довольно раннее время славянской колонии среди других народностей, представленных здесь во главе с греческими иноками. Это не будет стоять в противоречии с остальным составом Синайской библиотеки, сохранившейся с довольно раннего времени более или менее неизменной: Порфирий нашел здесь, при решительном преобладании рукописей и книг греческих, порядочное количество рукописей сирских, арабских, немного латинских[1] и коптских. Таким же пестрым по составу представляется Порфирию и само монашество Синайское.[2] Как велика была эта славянская колония на Синае, сказать, разумеется, трудно; на основании же происхождения лучших рукописей синайских, можно предполагать, что колония эта связана была прежде всего с Македонией, Сербией, а за тем с Афоном, стояла в сношениях с ними и с подобной же колонией славянской в Палестине, когда там создалась такая колония. Это находит себе подтверждение в тех немногих фактических данных, касающихся этой стороны истории Синая, коими мы располагаем.[3]

---

[1] Одна из латинских рукописей, кстати сказать, очень любопытна: это отрывок литургии по гречески, писанный в XII в. латиницей, очевидно для людей не умевших читать греческого алфавита и приходящих с латинского Запада, с которым у Синая с ранних пор были даже оффициальные сношения. См. В. Н. Бенешевич. Описание греческих рукописей мон. св. Екатерины, III, I, стр. 346 и сл.

[2] Первое путешествие на Синай, стр. 214.

[3] К таким данным о связях Синайской общины с Сербией можно относить указания сербских грамот, до нас дошедших. Так, 24 апреля 1357 г. краль Урош «подъ Призрѣномъ на Рибници» подтверждает запись, которую дал «господинь светопочивши царь, родитель царьства ми» (т. е. царь Душан)..... пречистои владичици госпожди Богородици синаиской» (Mon. serb., 159—160). К. О. Иречку, приведшему этот хризовул, показалось странным, что за деньгами

Чем же объяснить, как появление, так и существование в течении столетий этого юго-славянского островка на далеком Синае? Одного того обстоятельства, что это была общехристианская святыня, привлекавшая к себе внимание настроенных религиозно людей средневековья, повидимому, не достаточно для объяснения этого явления. Это религиозное настроение находило себе удовлетворение в паломничестве; паломничество, однако, ни у нас, ни на Западе не вело к колонизации на Востоке, особенно настолько прочной, как это мы в праве предполагать для славянских колоний на Синае и в Палестине. Кроме того нельзя не принять в соображение и того, что и в общем ни у славян южных, ни у нас не замечается таких колонизационных стремлений в массе по отношению

---

от гор. Стона (часть доходов коего и должна была идти, по записи, в Иерусалим на Синай) за время Стефана Уроша никогда не приходили синайские монахи, а всегда иерусалимские [Jagić's Festschrift (1908), s. 353]. Дело, думаю, объясняется просто: между синайским монастырем и иерусалимским сербским Архангельским, как мы могли видеть уже по книжным записям, приведенным выше, были непосредственные сношения, почему иерусалимские монахи, чаще имевшие деловые сношения с метрополией на Балкане, как это увидим дальше, брали на себя представительство и от Синая, что было, естественно, и удобнее для синаитов, нежели отдельно посылать людей для получения денег из одного и того же источника. Впрочем, и сам К. О. Иречек в той же статье приводит и такую справку: в дубровницких счетных книгах (управление островом Стоном находилось в заведывании дубровницких властей) под 6 июня 1354 г. отмечено, что Никодим, монах синайский, получал свой депозит при князе Николе Барбадине и других свидетелях (op. cit.). Ясно, что оба монастыря вели некоторые дела сообща. Сюда же следует отнести и общее указание, находимое у И. Рапча в его «Истории славянских народов» (изд. 1823 г.) о пожертвованиях на Синай Стефана Драгутина, Стефана Уроша II и Уроша III (1276—1331); его приводит арх. Порфирий в истории Синайского монастыря (Первое путеш., стр. 136). К числу фактов общения Синая с сербскими землями надо отнести и путешествие Саввы Сербского, которое носило в значительной степени оффициальный характер, судя по описанию его в «Житии св. Саввы» у Доментиана (см. Ђ. Даничић. Живот св. Симеуна и св. Саве. Беогр. 1865, стр. 310—324); на Синае Савва провел весь великий пост (стр. 323). Наконец, в качестве указания на такия отношения Сербии к Синаю можно привести то обобщение, которое находим в кратких сербских Летописях: характеризуя Уроша II, как исключительно щедрого благотворителя, они замечают: «Достизаѣть же (милостыня Уроша) и вь въсточные страны, глаголю же Царьграда и Іерусалимь и Синаискоую Гороу и Егупьтьскыѣ страны....» (см. Споменик српске Акад., III (1890), стр. 95; ср. там же о Савве Сербском, стр. 97). Видимо, Синай включен в круг той благотворительной и политической деятельности, которую так широко развивало сербское правительство в XIII-м и особенно в XIV веках.

к Востоку христианскому; а раз такая колония возникла, ея существование должно получить себе объяснение в особых исторических, быть может, политических условиях жизни метрополии, стоять в связи с переживаниями этой метрополии. Повидимому, в данном случае мы и имеем дело с таким явлением: построенная главным образом на религиозной почве (на которой строились в значительной степени и прочие международные отношения в средние века на юго-востоке Европы), колония эта стоит в зависимости от политических и общегосударственных условий, имевших место на Балканском полуострове в XII—XIV веках. В этом случае и по отношению к славянской колонии на Синае, если мы имеем и мало прямых указаний, мы можем предполагать такое же соотношение с метрополией, и предположение это подкрепить аналогией с Палестинской славянской колонией, относительно истории которой мы находимся в более благоприятных условиях. Как Синайская, так Палестинская колонии, обе переживают цветущий период развития и жизни своей только до тех пор, пока на Балканском полуострове более или менее благополучно обстоят дела славянских государств по отношению к Византии и свободе; с закатом государств под властью Турок или Византии слабеют и колонии. Это довольно наглядно мы увидим из истории сербской колонии в Палестине; но намек на подобное же положение и Синайской колонии мы можем наблюсти на составе уцелевшей славянской библиотеки на Синае: на три века, XII, XIII и XIV, время до турецкого завоевания на Балкане, падает не только лучшая по содержанию, но и более крупная доля этой библиотеки: века XV—XVIII в ней представлены только 14-ю рукописями, при чем из них пять падает на XV век, когда колония, можно предполагать, по инерции от более благоприятного времени проявляла еще некоторое оживление: судя по ея интеллигентной жизни, поскольку жизнь эта могла отразиться в книжном богатстве и книжной производительности, с XV века колония клонится к упадку, замирает постепенно.[1] То же замирание националь-

[1] Конец XV-го и XVI-ый вв. в истории Синая отмечены появлением нового источника благосостояния монастыря: ославяненная в своей духовной культуре Молдаво-Валахия, находившаяся в сравнительно более благоприятных, нежели другие балканские страны, политических и материальных условиях

ной жизни и литературы мы видим в то же самое время и на Балкане среди славянских государств. Совершенно параллельное явление наблюдается и в истории письменности на Балканском полуострове в виде смены господства между Сербией и Болгарией: сперва, вслед за появлением славянской письменности на Балканском полуострове доминирующая роль в течении XI и XII в. принадлежит письменности и литературе болгарской, причем в этой последней заметную роль играет Македония и западная Болгария, долгое время и позднее сохраняющия свое влияние в истории письменности; лишь к концу XII века болгарская литература и письменность слабеют, и постепенно начинает выдвигаться письменность сербская, медленно формулирующая свой особый извод, создающаяся все же под сильным воздействием старшей болгарской, в частности болгаро-македонской, связь с которой ясно чувствуется особенно на востоке сербской территории и в сербской части Македонии; при этом сербская письменность принимает на себя функции хранительницы и продолжательницы старо-славянской и болгарской традиции, литературной и письменной, привнося сюда, однако, свои сербские элементы; с конца XIV века эта сербская письменность делит свою роль с средне-болгарской и с молдаво-валашской письменностью. Эту же смену в общих чертах мы могли наблюдать выше и на Синае по его славянским рукописям, присматриваясь к их изводам в связи с хронологией. Такое априорное объяснение судьбы славянской колонии и ее письменных памятников на Синае получит дальнейшее свое обоснование в истории подобной же колонии в Палестине, с которой, как мы уже заметили, синайская находилась в общении. Поэтому, прежде чем ближе подойти к ответу на поставленный вопрос и сделать из возможного на него ответа вывод для истории славянской письменности в странах переднего Востока,

---

по отношению к туркам, некоторое время пробует продолжать традицию балканских государств по отношению к христианскому Востоку и Афону, являясь щедрою благотворительницею и для Синая, о чем свидетельствуют грамоты господарей, найденные на Синае (см. Второе путешествие Порфирия, стр. 273) и рукописи молдаво-валашского письма: по грамотам получены были синаитами обширные домены в Молдавии и Валахии, отчасти сохраненные ими до нашего времени. См. арх. Порфирий. Перв. Путешеств., стр. 149, 249, ср. Γρηγοριάδης. Ἡ ἱερὰ Μονὴ Σινᾶ. Ἱεροσ. 1875, стр. 124 и сл.

обратимся к ознакомлению с Палестинской колонией по ее письменным памятникам и другим историческим данным.

## II.

Касательно истории славянской (точнее, сербской) колонии в Палестине, как мною было уже сказано, мы находимся в более благоприятном положении, нежели относительно славянской Синайской. Если для последней нам пришлось делать попытки на основании рукописей Синайской библиотеки хотя отчасти воссоздавать, и то в общих чертах, факт ее существования, кое-какие частные черты ее жизни и деятельности, то для знакомства с Палестинской, точнее, сербской колонией мы имеет не только сохранившиеся более или менее ее рукописи с кое-какими записями, но и прямые документы, ее касающиеся, притом со времени ее основания, можем по ним проследить ее историю, правда, без больших подробностей, более, нежели за триста лет ее существования. Объясняется все это тем, что, как увидим, Иерусалимская сербская община с самого своего официального возникновения получила определенное место в Иерусалиме среди других подобных же общин каковы, напр., Грузинская, Армянская и др.), и сыграла определенную роль в жизни Иерусалима и Палестины; а это ее значение определилось с самого ее основания отношениями ее и к ней метрополии.

Самым ранним из известных нам фактов непосредственных сношений сербов с Палестиной, подготовивших возникновение там сербской общины, надо, повидимому, счесть путешествие во св. землю Саввы Сербского: он туда совершил две поездки — в 1230-м и 1236-м годах, причем довольно долго оставался в Палестине. Поездки эти отмечены, судя по житию св. Саввы, писанному Доментианом в 60-х гг. XIII же столетия, носили характер до некоторой степени официальный:[1] путешествует архиепископ, глава автокефальной церкви, конечно не один, а со

[1] Такими обрисовывает их с большими подробностями Доментиан, см. Живот св. Симеуна и св. Саве од Доментијана (изд. Даничича, Беогр. 1865), стр. 266, 267, 268, 269, 272 и др.

свитой, получает торжественный прием у Иерусалимского патриарха, принимает участие с ним в торжественных служениях, объезжает монастыри, совершая там служения и изучая образ жизни и устройство палестинских обителей, с тем чтобы руководствоваться этими наблюдениями в организации церковной жизни своей новой церкви.[1] С большою долей вероятности можно предполагать о значительном влиянии на развитие связей сербов с Палестиной именно путешествий Саввы; так позволяет думать и его биограф: говоря об успехах Саввы в насаждении христианского жития в Сербской державе («вьсе по отьчьствоу своємоу благочьстию наоучи»), Доментиан добавляет, что Савва «и кь Светѣй Горѣ поуть великь и пространь оуствори имь (т. е. сербам).... и вьса прѣда чедомь своєго отьчьства.... и такьжде поуть в Иєросалимь и кь Синаю и вь вьсако мѣсто, идеже име божиє именоуєтьсе».[2] Косвенно на такой же план, соединявшийся с путешествием Саввы, намекает и еще одна подробность этого путешествия: описывая его, Доментиан говорит, что Савва не только щедро обдаривал церкви и святые места, но что также «испроси мѣсто на създаниє манастира, и дано бысть ємоу оть игоумена и оть вьсѣхь братеи и оть чьстьнааго патриярха Атанасия», и что он «благословениє приємь оброучи црьковь светааго и великааго апостола и євангелиста Иоана богослова на Сионѣ, тоу близоу домоу єго идеже бѣ прѣжде плътьскы прѣбываль....»;[3] во время второго путешествия своего он «вьшьдь вь светыи градь, идеже прѣжде вь свои си монастирь вь домь светааго богословьца Иоана....».[4] Этот монастырь был в тесной связи с лаврой св. Саввы Освященного, к которому с особым вниманием отнесся св. Савва Сербский, как принявший на себя имя знаменитого палестинского подвижника и основателя пустынного жития.[5] Сведениям этим можно придавать значение не только потому, что идут они из времени близкого к жизни св. Саввы (ум. 1236 г.) но и потому, что идут они от человека, жившего в Хиландаре (где, разумеется

[1] Так, повидимому, эту деятельность Саввы понимал и Доментиан, см. там же, стр. 131.

[2] Там же, стр. 131.

[3] Там же, стр. 273.

[4] Там же, стр. 302.

[5] Там же, стр. 271—272.

предания о Савве, одном из основателей Хиландаря, должны были быть особенно живы), при том человека, который и сам, повидимому, был в Палестине.[1]

Таким образом можно думать, что начало тесных и более или менее регулярных (в отличие от случайных, частных, паломнических, напр.) сношений сербов с Палестиной (а быть может и с Синаем) можно считать восходящим к первой половине XIII века, к концу жизни св. Саввы. Традиция эта, повидимому, поддерживалась довольно усердно: если преемники св. Саввы, архиепископы сербские, проходили предварительно школу в сербском Афонском Хиландаре,[2] то они в то же время не порывают и с заветами св. Саввы относительно Палестины, очевидно, считая эту связь нужной и для их Сербской церкви; так, преемник и племянник св. Саввы Арсений до своего архиепископства долго подвизается в Иерусалиме (может быть в монастыре, основанном Саввой),[3] Савва II (1263—70) и Евстафий I (1279—85)[4] совершают путешествия во св. землю,[5] Данила II (1323—37) также тянет туда же.[6]

Что это тяготение ко св. земле, желание черпать непосредственно из первоисточника христианства было не только результатом религиозной настроенности, но и государственной потребности, до известной степени осознанной представителями власти, мы можем заключать по тому, что не только духовные владыки сербов, но и сама светская государственная власть, пока она была в силах и находила в этом расчет, стремится идти по тому же пути в поддержании этих стремлений. Об этом можно заключить по тому, что рано уже — в начале XIV века — оффициально основывается в Иерусалиме сербская община: в 1315 году, после победы в союзе с Византией над персами, краль Милутин, одновременно

---

[1] Ср. П. Поповић. Преглед српске књижевности. Изд. 2. Беогр. 1913, стр. 30.

[2] Почти все они, судя по их жизнеописаниям, до епископства были игуменами в Хиландаре. См. Животи краљева и архиепископа српских, архиеп. Данила, изд. Даничићем, Загр. 1866; ср. Е. Е. Голубинский. Краткий очерк истории прав. церквей. М. 1871, стр. 457 и сл.

[3] См. Е. Е. Голубинский, op. cit.

[4] См. Даничич, op. cit., стр. 273.

[5] У Даничича, стр. 296—299.

[6] Ср. у Даничича, стр. 361.

с другими пожертвованиями, в ознаменование этого события основывает в Иерусалиме для сербских монахов монастырь в честь арх. Михаила и Гавриила.[1] Но это не было основанием монастыря в собственном смысле слова: Милутин, как видно из подтвердительной грамоты Стефана Душана тому же монастырю (1348 г.), только оффициально обдаривал вновь учреждения, существовавшие раньше уже: Душан называет церковь Михаила и Гавриила в Иерусалиме «устроением его прародителей св. Симеона и св. Саввы».[2]

Эта сербская колония, получившая оффициальное утверждение государственной сербской власти, и была в Палестине тем центром, около которого жила славянская письменность в Палестине почти триста лет, а по традиции и дольше, чуть не до начала XIX века. Политическая, рядом с религиозной, подкладка этой благотворительности Палестинской общине, именно сербской, со стороны сербского краля становится ясною в связи с целой серией других хризовулов, данных сербским же церквам и монастырям вне сербской государственной территории: обдаривая такую общину.[3] Душан и его преемники этим тесно связывали ее с метрополией, принимали под особое покровительство сербскую святыню на Востоке, как цари православные, как претенденты на «престолъ великаго и равна апостоломъ и перваго христіаномъ Константина царя».[4] Ясно, что сербские цари, постоянно стремившиеся занять на Балкане место Византии, с которой они борются и за счет которой расширяют

---

[1] Подробности об этом, а также и дальнейшая история монастыря изложены у архим. Леонида в ст. «Сербская иноческая община в Палестине» (Чтения в Общ. Ист. и Др. Росс., 1867 г., кн. 3, стр. 43—65). Эта статья в сокращении, с некоторыми в то же время (правда, мелкими) добавлениями изложена архим. Н. Дучићем (Књижевни радови, кн. 2, стр. 208—221). Этими двумя статьями, добавляя их, где оказалось нужным, я и пользуюсь в дальнейшем.

[2] См. Т. Д. Флоринский. Памятники законодательной деятельности Душана. Киев 1888, стр. 113—114.

[3] Ей давались определенные доходы с владений, находящихся в пределах сербской державы: часть доходов Дубровника, церкви св. Николая в Вранине, монастыря в Стоне (хризовулы Стефана Дечанского, Душана). О последнем даре Архангельскому мон. в Иерусалиме см. K. Jireček. Ston a Mljet (журн. «Osvěta»), особенно см. его же статью в сборнике «U slavu Vatroslava Jagića» (Berl. 1908), стр. 527 и сл.

[4] Т. Д. Флоринский, op. cit., стр. 114.

свои владения и титулы («царь Сербовъ, Болгаръ и *Ромеевъ*»), поддерживают сербскую колонию в Палестине, конкурируя с Византией и желая этим покровительством ослабить влияние той же Византии: средством для этого служит присвоение себе прерогатив византийских царей, почитавших себя покровителями восточных христиан в завоеванной неверными св. земле. Так сербские цари поступали и в других случаях: захватывая новую область у Византии, они татчас же брали на себя роль ктиторов тех религиозных учреждений захваченной страны, которые до тех пор имели своими ктиторами Византийских царей, почему и издавали соответствующие хризовулы; так поступали они и по отношению к Афону и западной Македонии (напр. Серу) всякий раз, когда Византия там ослабевала или утрачивала власть.[1] Это, таким образом, один из моментов целой программы политического характера сербской государственной власти; «основание» и поддержка сербского мон. Архангелов в Иерусалиме — один из актов такой программы. Поэтому-то и дальнейшая судьба этой сербской общины так тесно связана и стоит в зависимости от положения самого Сербского государства: время расцвета Сербской державы — в то же время период процветания и мон. Михаила и Гавриила в Иерусалиме; со времени упадка Сербского государства в борьбе с турками и падения его, закатывается благополучие и этой общины, теперь уже пытающейся иными путями поддержать — и иногда не без успеха — свое существование, но все же в конце концов замирающей. Это видно наглядно из дальнейшей истории этой сербской общины, поскольку она нам известна по историческим данным.

В немногих словах история эта сводится к следующему. Вторая половина XIV в. — время наибольшего благополучия и материальной обеспеченности мон. Михаила и Гавриила.[2] В половине XV века мона-

[1] Подробнее см. у Т. Д. Флоринского, op. cit., стр. 1—13; в частности см. стр. 145—150 — хризовул Душана знакомому нам Иакову, митр. Серскому.

[2] И численно колония, повидимому, здесь увеличивается в это время: монахи православного монастыря в Стоне (в Далмации), зависевшего от Палестинской общины, теснимые местными францисканцами, выселяются в 1370 г. оттуда частию на Афон, частию же в Иерусалим в Архангельский монастырь (см. K. Jireček, op. cit.); в 1372 году царь сербский Лазарь посещает сербский Архангельский монастырь, очевидно, следуя традиции политики своих предшественников (Н. Дучић, op. cit., стр. 209).

стырь временно падает, как полагают, вследствие чумы, свирепствовавшей в Палестине и, прибавим от себя, вероятно, завоевания Сербии турками, следствием чего является ослабление притока сюда, как людей, так и материальных средств. Значение монастыря, как народного центра, на далеком Востоке, падает: политика сербских господарей, полузависимых от завоевателей турок, ясно, теперь уже не может преследовать прежних задач, иметь прежнего размаха; средства страны идут теперь на посильное поддержание более важного и более близкого центра народного самосохранения — Афона. Поэтому в 1479 году дочь Георгия Бранковића, сербского деспота, в то же время жена султана Амурата, Мария, заботясь особенно об Афоне, европейские владения иерусалимского монастыря, отписанные ему прежними сербскими царями, передает Хиландарю и монастырю Павла на Афоне, чем, конечно, ставит мон. Архангелов в еще более трудное положение. Но видимо, и до этого времени состояние иерусалимского сербского монастыря далеко не удовлетворительно: палестинским сербам приходится искать помощи на стороне: в первой половине XV века в Москве появляется иерусалимский Михайловский игумен, архимандрит Нифонт за сбором милостыни, которую он и получает в довольно большом количестве от Московского князя. В 1504 г. дела сербской общины как будто даже несколько улучшаются: несмотря на отсутствие поддержки из Сербии, сербские монахи пробуют устроиться самостоятельно, воспользовавшись денежной поддержкой из Москвы[1] и, кажется, главным образом, временным падением греческой иерархии в Иерусалиме, где на патриаршем престоле водворились было сирийцы-арабы, далеко ниже стоявшие в культурном отношении, нежели греки; сербы по соглашению с высшей церковной властию получают во свое владение и управление лавру св. Саввы Освященного, находившуюся в это время в упадке и запустении вследствие усилившихся грабежей бедуинов: может быть, дорогу туда сербам указывала традиция о тесной связи Саввы Сербского с этой лаврой; они частью переходят туда из своего иерусалимского монастыря, строят

[1] У нас есть несколько данных (они приведены у Леонида) о приходе сюда иерусалимских сербов и о получении ими милостыни.

здесь башню для защиты от нападений и некоторое время остаются хозяевами, при чем монастырь Архангелов обращается в городской метох лавры.[1] Но не долго им пришлось быть обладателями одной из важнейших святынь Палестины: смутное время в России и тяжелое положение страны при первых шагах новой династии отразились на материальном положении сербской палестинской общины, прервавши, повидимому, один из основных источников средств общины; в то же время и греческое духовенство опять добилось власти в Иерусалиме, воспользовалось какими-то неладами среди сербов, участившимися нападениями бедуинов на лавру и в конце концов привело дело к тому, что сербская община не только должна была возвратить им лавру, но и сама перестала существовать, как самостоятельное учреждение, и Архангельский монастырь поступил в распоряжение греков. Это произошло в 1636 году. Но предание, что это место когда-то принадлежало славянским монахам, осталось. Славянские паломники группируются в монастыре арх. Михаила и в XVII-м и в XVIII-м веках, охотно посещают лавру св. Саввы: ряд славянских (преимущественно сербских и болгарских) записей на рукописях, остававшихся до недавнего времени в монастыре арх. Михаила и в лавре св. Саввы, о том свидетельствует.

Как бы ни было, сербская община в Палестине просуществовала с начала XIV века, если не с более раннего времени, и до первой половины XVII-го, при чем более ста лет владела и лаврой св. Саввы. Эта только что кратко изложенная история сербской общины дает нам возможность сделать не безинтересные наблюдения и над историей югославянской письменности в Палестине, если мы данные этой истории сопоставим с тем письменным наследием, которое нам досталось от этой общины, разумеется постольку, поскольку мы в состоянии восстановить теперь это рукописное наследие. Это сопоставление и в данном случае,

---

[1] Наш паломник Трифон Коробейников (1582) подтверждает такое положение дел, сообщая, что в монастыре св. архистратига Михаила живут старцы Саввина монастыря, что в обоих монастырях, арх. Михаила и св. Саввы, игумен один (Христофор), и братия и казна и все устроение в этих обоих монастырях общие (Правосл. Палест. Сборник, IX, 3, стр. 32), почему он и передал игумену по росписи 60 золотых на оба монастыря (там же, стр. 98).

как это мы могли сделать в отношении Синайской славянской общины, даст нам страничку из истории славянской письменности вне славянской территории, но в связи с жизнью этой территории.

Источниками для ознакомления с этой югославянской письменностью, оказавшейся за пределами Балканского полуострова, являются для нас, главным образом, рукописи, сохранившиеся на месте — в Иерусалиме и лавре св. Саввы — и недавно там хранившиеся, а теперь разбредшиеся по другим библиотекам. Собравши, насколько позволяют это наши теперешние средства, воедино сведения об этих рукописях, а также пересмотревши часть их непосредственно, мы получаем возможность, восстановить до некоторой степени самое собрание рукописей, чтобы по нему судить хотя бы отчасти о литературно-книжной деятельности и интересах старой сербской колонии в Палестине, иначе — попытаться и относительно ее сделать то же, что мы попытались сделать касательно славянской колонии на Синае.

Сведения эти мы почерпаем главным образом, во-первых, из статьи Н. Ф. Красносельцева «Славянские рукописи патриаршей библиотеки в Иерусалиме»[1] и, во вторых, из статьи А. Х. Востокова «Описание рукописей А. С. Норова»,[2] или «Описание рукописей А. Х. Востокова».[3] Последний труд дополняется для нас непосредственным знакомством с рукописями Норова, находящимися в Историч. Музее в Москве, в собрании рукописей А. С. Уварова. Другие сведения о палестинских рукописях, более мелкие, иногда единичные и менее надежные, приведу попутно с дальнейшим обозрением.

Местами хранения и в то же время местами, откуда рукописи попадали затем в наши библиотеки, были главным образом лавра св. Саввы и иерусалимский монастырь арх. Михаила и Гавриила, когда то временно тесно связанные друг с другом; теперь оставшиеся в Палестине рукописи перенесены в Иерусалимскую Патриаршую Библиотеку вместе

---

[1] Казань, 1889, оттиск из Правосл. Собес. 1888 г. Сюда следует присоединить упомянутую выше ст. В. А. Розова, Болгарские рукописи Иерусалима и Синая (Минало III, 9, стр. 30—37).

[2] ЖМНП 1836, ч. XI, 2, стр. 529—547.

[3] Зап. ИАН по II отд., кн. II, 2, стр. 96 и сл.

с рукописями греческими и другими иноязычными.[1] Общее количество известных нам теперь славянских рукописей Палестины не велико. Н. Ф. Красносельцев, рассматривавший собранные в Патриаршей Библиотеке рукописи, насчитал их всего 20 номеров,[2] а А. С. Норов, который в 1835 г. «выбрал все славянские рукописи» в мон. св. Саввы и, приобретя их, все увез в Россию, нашел их только 13, да еще две старопечатных славянских книги.[3] Последние рукописи, т. е. Норовские, надо полагать, после 1504 года перенесены были в лавру св. Саввы, когда ею стали владеть сербы, и остались там после 1636-го, оставленные ими по удалении оттуда и по водворении греческих властей. Этим, быть может, объясняется то, что в числе рукописей, перенесенных из Архангельского монастыря в патриархию, древних почти не оказалось: они были в лавре, откуда их и увез Норов. Кроме того, имея в виду бывшее некогда общим хозяйство обоих монастырей, мы можем объединить обе группы рукописей в одну; если фактически одни рукописи оказались в одном монастыре, другие в другом, весьма возможно также и то, что отдельные из них не раз переносились из монастыря в монастырь. Наконец, о принадлежности этих рукописей именно этим монастырям свидетельствуют сохранившиеся на них соответствующие записи; так, на Триоди XIV в. (Красносельцева 1), Четвероевангелии 1532 г. (у Розова 2), Апостоле XVI в. (Кр. 3), Октоихе того же века (Кр. 6), другом Октоихе того же времени (Кр. 7) есть указания на принадлежность их мон. Архангельскому, записи — славянские; на Апостоле XV в. (Норова VII, Уварова 459) — запись о принадлежности его лавре св. Саввы, на Четвероевангелии XVI в. (Нор. VIII, Увар. 479), Псалтири XIII в. (Нор. I, Увар. 285) — мон. Архангела; на остальных — греческие же записи, свидетельствующие о пребывании рукописей в позд-

[1] Из статьи В. А. Розова узнаем еще об одном месте хранения славянских рукописей в Иерусалиме: это мон. св. Авраамия, где есть небольшое их количество (главн. обр. богослужебные книги XV—XVII в. молдаво-валашского письма). В. А. Розов точнее количества их не указывает, упомянув только о двух евангелиях (см. ук. ст., стр. 36—37).

[2] Op. cit., стр. 7.

[3] А. С. Норов. Путешествие по св. Земле. Изд. 2, II, стр. 59. У Востокова, действительно, описаны только эти 13 рукописей и 2 печатных книги. Но, как увидим ниже, сведения эти не совсем точны.

нейшее время в числе лаврских, хотя прямых указаний на это в содержании записей не имеем; наконец, на Поучениях Ефрема Сирина XV—XVI в. две записи: 1) о принадлежности рукописи храму св. Николая[1] и 2) о пожертвовании ее в мон. арх. Михаила.

Происхождение остальных, находящихся теперь в Патриаршей Библиотеке славянских рукописей, точнее не определяется: указаний на это мы не находим в статье Н. Ф. Красносельцева; впрочем, он сообщает, что некоторые из них попадали в Патриаршую Библиотеку из иерусалимского Крестного монастыря (сколько мне известно, принадлежавшего когда то грузинам): это — Евангелие XVI в. (на пергамине, палимпсест) № 19, Часослов XVII в. № 20, Псалтирь XVI в. № 21, Часослов XV в. (1494 г.) № 22.[2] Как попали славянские рукописи в Крестный монастырь, не знаю; может быть, и там селились отдельные монахи из сербского монастыря, а может быть, рукописи занесены туда случайно?

К этим трем с небольшим десяткам рукописей мон. арх. Михаила следует добавить, как несомненно входившие в состав рукописного собрания Архангельского монастыря, еще две:

1) Минея служебная XIV в., на 304 лл. в лист, № 75 собрания В. М. Ундольского (в б. Рум. Музее); вывезена она тем же А. С. Норовым из лавры св. Саввы, куда она попала из мон. арх. Михаила.[3] В описание Востокова она не вошла; извод — сербский.

2) Слова Исаака Сирина, писанные на Афоне в лавре св. Афанасия в 1389 г., в 4-ку. Рукописи нет ни среди Норовских, ни среди

---

[1] Вероятно, это — монастырь св. Николая в Стоне, откуда, как мы знаем часть монахов переселилась в иерусалимский монастырь арх. Михаила. Вторая запись XVII—XVIII века. Ср. Л. В. Стојановић. Записи и натписи, II, № 4564.

[2] Не XVI-го, как сказано у Н. Ф. Красносельцева: в записи рукой писца год 7006-ой.

[3] На ней запись рукой А. С. Норова о приобретении ее в 1835 году, 16 апреля в мон. св. Саввы. В. М. Ундольский купил ее от С. Литова в Киеве. На рукописи две записи о принадлежности ее мон. арх. Михаила, помимо нескольких паломнических. Ср. Л. В. Стојановић. Споменик, III, 166 или его же, Записи и натписи, I, № 621. Надо думать, что Норов, когда писал свою заметку о приобретении рукописей, руководился наличным у него количеством их, а эта — 14-я — в это время уже у него пропала и попала к киевскому торговцу С. Литову.

перечисленных Н. Ф. Красносельцевым; но из нее 4 листа вынул (по обыкновению, с датой) арх. Порфирий,[1] снабдив отрывок соответственной записью о происхождении; извод — болгарский.

Сюда же можно добавить с некоторым основанием еще две рукописи, о которых, к сожалению, нет в моем распоряжении достаточных сведений:

3) Рукопись *неизвестного содержания*; на ней есть запись: «Сіа книга монастыря светаго архангела Михаила въ светомъ градѣ Іерусалиме». Далее — сообщение о приходе в Иерусалим с Афона даскала Еремии, с годом 7186 (1678).[2]

4) Рукопись также *неизвестного содержания* с записью 1683 г. о хождении в Иерусалим Печского патриарха Арсения.[3]

Наконец, 5) к числу славянских рукописей, когда-то бывших в Иерусалиме (но как и когда попавших туда, сказать теперь нельзя за отсутствием данных) предположительно надо отнести знаменитое глаголическое Ассеманово Евангелие XI века, находящееся ныне в Ватиканской Библиотеке среди небольшого числа славянских рукописей этой Библиотеки:[4] оно принадлежало известному ориенталисту XVIII в. Ассемани (ум. 1768 г.), который вывез его из Иерусалима, приобретя

---

[1] Теперь они в числе отрывков Порфириевских в Гос. Публ. Библ. в Ленинграде (Q. I. № 903). См. Отчет Публичной Библиотеки за 1883 г., стр. 74 (№ 48).

[2] Л. В. Стојановић. Записи и надписи, I, № 1749 (стр. 421) с такого рода неопределенной достаточно ссылкой на Новосадский журнал «Бршљан»: «записи у рукопису ман. св. Саве Освећеног (у Палестини)». Журнал этот (II, 55) остался мне недоступен. Ни на одной из перечисленных у Н. Ф. Красносельцева и В. А. Розова рукописей не нашлось подобной записи, что дало бы возможность отождествить нашу рукопись с какой-либо из находящихся теперь в патриархии. Можно из приведенных справок Л. В. Стојановића вывести одно: рукопись принадлежала мон. арх. Михаила, потом перешла в лавру св. Саввы, где ее видел автор статьи в «Бршљане».

[3] Л. В. Стојановић. Op. cit, I, № 1815 (стр. 432) с таким же неясным указанием: «запис у рук. у Іерусалиму.—Бршљан, II, 55. Пећ. Патр. 83».

[4] И. В. Ягич, последний, кто их обозревал в целом, насчитывает их 23 (Analecta Romana—Arch. f. sl. Phil. XXV, I, стр. 1). Н. Ф. Красносельцев, который также их пересматривал во всем их объеме (Сведения о некоторых литургич. рукоп. Ватиканск. Библиотеки Казань 1885, стр. 11) насчитывает их не более 30; А. Maii в известной Scriptorum veterum collectio nova, tom. V, перечислил их только 18. Глаголическое евангелие и сведения о нем у него под № III. (стр. 105).

рукопись, по словам сведущих лиц (между ними Карамана), от каких-то monachis slavo-graecis.[1]

Из сделанного обзора сведений о славянских рукописях Палестины мы видим, что все же главными источниками для нас остаются сведения, сообщаемые Н. Ф. Красносельцевым и Норовские рукописи Исторического Музея. При таком положении дела претендовать на исчерпывающую полноту и точность нашего представления о составе и характере иерусалимской коллекции рукописей в прошлом, разумеется, нельзя.[2]

---

[1] Это не достаточно для нас определенное указание возбуждает ряд вопросов: как попало это глаголическое евангелие к XVIII веку в руки этих monachorum slavo-graecorum, постоянно ли оно было в Иерусалиме после своего перенесения из Македонии (текст его считается происхождения македонского), каковы могли быть ближайшие побуждения перенесения его на Восток? Тут невольно приходит в голову предположение, которое, конечно, так и остается пока предположением: не было ли оно первоначально занесено на Синай, где, судя по наличию там с давних пор Псалтири, Евхология и упомянутого выше палимпсеста, еще в XI—XII в. были люди, умевшие читать глаголицу и, может быть, совершавшие богослужение на славянском языке? Как текст, необходимый для богослужения и сам по себе для чтения, Ассеманово евангелие могло быть собственностью славянской группы синайской братии. Сношения же между Синайской славянской общиной и Иерусалимской мы уже знаем: оно могло быть позднее принесено с Синая в Иерусалим, где и могло сохраниться у монахов Архангельского мон. или лавры св. Саввы, а от них мог его приобрести и Ассемани.

[2] Может быть, это представление могло бы быть дополнено несколько знакомством с рукописями, собиравшимися в свое время арх. Антонином, долгое время бывшим в русской Палестинской миссии, если бы мы имели более сведений о происхождении его собраний рукописных материалов. Собраний Антонина нам известно два: первое—в Церковно-Археологич. Музее при б. Киевск. Духовн. Академии (теперь в Украинск. Акад Наук), куда оно поступило в 1869 году (см. Н. И. Петров. Описание рукоп. Ц.-А. Муз., I—III. Киев 1875—79, стр. 5); из числа более 25 югославянских рукописей ни на одной, судя по описанию их, нет указания на палестинское происхождение; Антонин, как известно, приобретал рукописи и на Афоне, и в Константинополе, и в Палестине. Второе собрание Антонина в количестве 138 цельных рукописей и 1176 отрывков поступило в 1899 г. в Публ. Библиотеку (см. Отчет Публ. Библ., стр. 29 и сл.); из них славянских 6 пергаменных и 21 бумажная, при чем ни одна из них не может быть с уверенностью отнесена к числу приобретенных в Палестине, так как на них нет соответственных помет бывшего владельца (как это делал последовательно арх. Порфирий). С другой стороны, исходя из данных биографии арх. Антонина (он с 1863 по 1894 год был настоятелем Иерусалимской миссии, продолжал собирать древности, интересуясь, правда, преимущественно восточными рукописями и греческими), а также из изводов большинства антониновских славянских руко-

Всетаки, думается, попытка использовать и такое представление не лишена интереса. Обращаясь к составу и времени написания этих рукописей, как к материалу для характеристики книжных интересов мон. арх. Михаила и отчасти лавры св. Саввы, мы можем получить общую картину такого рода. Рукописей особенно древних в списке их мы не увидим; старейшими среди них считаются:

1) Псалтирь XIII века, 4-ка, пергамин, извод болгарский (Нор. I, Увар. 285).

2) Евангелие по дням XIII в., 4-ка, извод болгарский (отрывок, Нор. II, Увар. 289).

3) Четвероевангелие XIII—XIV (?) в., лист, болгарского извода, (Нор. III, Увар. 480).[1]

4) Октоих XIII или нач. XIV в., лист, извод сербский (Нор. IV, Увар. 521) с именем Стефана Уроша в конце.[2] На л. 122 об. запись писца: «Помените мене грѣшнаго Мефодия».

5) Триодь цветная 1374 года, лист, писанная на Синае для мон. арх. Михаила в Иерусалиме (Нор. V), как гласит о том запись,[3] извод сербский.

---

писей, мы в праве предполагать, что в его собрание попали и рукописи иерусалимские бывшей Сербской общины. Ср. также А. А. Дмитриевский. Путешествие на Восток 1887—88 г. и его научные результаты (Киев 1890, стр. 17, 49).

[1] Определение А. Х. Востокова (стр. 99); П. А. Лавров (Энцикл. Слав. Филол. 4, I, стр. 161—2, снимок на стр. 163 и в альбоме № 39) относит его к XIV веку, что и ближе к истине. На последнем листе — большая, не отмеченная до сих пор, греческая запись, писанная, однако, судя по графике, не природным греком: αὕτη ἡ βίβλος διὰ χειρὸς ἐμοῦ τοῦ... δούλου τοῦ Θῦ Σίμωνος ἱερομοναχοῦ τότε ἐν τὸ καλήλη (Хеврон).... с 6909 годом, (т. е. 1401). Графика рукописи изысканно-причудливая, оригинальная, кое-где с начертаниями подражающими греческим (ср. снимок у П. А. Лаврова, а также у Леонида в «Описании рукописей Уварова», I, 25—27), дающая аналогию к греческой записи. Может быть, греческая датированная запись принадлежит самому писцу рукописи и есть дата самой рукописи? Архаизмы начертаний идут рядом с совершенно новыми формами в тексте и могут быть возводимы к оригиналу писца.

[2] Снимок с этого листа см. у Леонида в «Описании рукописей Уварова», I, к № 733.

[3] Запись целиком у Востокова (стр. 102). Об этой рукописи речь была выше.

6) Триодь цветная, приблизительно того же времени, в лист, с такой же записью, извод также сербский (Кр. 1).[1]

7) Пролог XIII в., малый лист (Нор. VI, Увар. 70), извод сербский.

8) Минея служебная, сентябрь-ноябрь, в лист, XIV в.,[2] извод сербкий (Кр. 4).

9) Минея служебная, сентябрь-февраль, XIV в., в лист, пергамен, извод сербский (Унд. 75).

10) Слова Исаака Сирина, 1389 года, писана на Афоне, 4-ка, извод болгарский (отрывки—Публ. Библ. Q. I, № 903).[3]

Остальные рукописи, связанные по нашим сведениям с мон. Архангела или св. Саввы уже выходят за хронологические пределы старшего времени (кончая XIV веком) и тянутся через последующие столетия вплоть до XIX-го, а потому мы пока оставим их в стороне.[4]

---

[1] И о ней также была речь выше; запись у Н. Ф. Красносельцева, стр. 7—8.

[2] Арх. Порфирий, который имел эту рукопись в руках в 1860 г., относил ее к XIII веку; Н. Ф. Красносельцев (стр. 9) замечает: «Кажется, что книга писана позднее XIII в. — в конце XIV или начале XV в.». Писана рукопись на пергамине.

[3] Где находится самая рукопись, остается неизвестным (см. выше). Вот сведения о рукописи, какие удалось собрать: она принадлежала лавре св. Саввы в Иерусалиме, когда из нее несколько листов взял арх. Порфирий; остальная часть была приобретена арх. Леонидом и подарена им Оптиной пустыни (Козельского у.). Запись ее с годом напечатана, но не точно, Леонидом (Чт. Общ. Ист. и Др.. 1867, II). См. А. И. Яцимирский. Григорий Цамблак. СПб. 1904, стр. 33—34, 241, 361; П. А. Лавров. Разбор соч. Яцимирского (Сборник ОРЯС, т. 81, стр. 14—15 отд. отт.); его же «Палеографические снимки юго-славянских рукописей». СПб. 1905, № 35 (снимок с листиков Публ. Библ.).

[4] По языку все эти младшие рукописи, на сколько можно судить о том по описаниям их, у Н. Ф. Красносельцева и В. А. Розова (Минало III, 9, стр. 30—36) почти все — югославянские (две только русские, и те №№ 14 и 17 по Красносельцеву—XIX века); из них 13 сербских по изводу, остальные болгарские или сербо-болгарские, или же молдаво-валашские то же, кажется надо сказать и о рукописях мон. св. Авраамия (Ср. Розов, у. с., стр. 36. В качестве дополнительного материала о старейших рукописях сербской общины можно привести еще кое-какие, к сожалению недостаточные, сведения: А. С. Норов при своем *втором* (1861—62 г.) посещении св. земли сообщает, что в то время местами хранения славянских рукописей были: Патриаршая Библиотека, мон. св. Креста и лавра св. Саввы; в последней он заметил три весьма древних славянских Типика (см. А. С. Норов. Иерусалим и Синай. СПб. 1878, стр. 52). Не эти ли самые югославянские Типики имеет в виду А. А. Дмитриевский, говоря,

Этот десяток нам известных старейших рукописей из коллекции иерусалимской славянской колонии распадается, как видим на две группы — болгарскую и сербскую — по языку, при чем любопытно то, что старейшие тексты — все болгарские, младшие — все сербские. Это как будто указывает на то, что раньше сербов в Иерусалиме появились болгары, которых затем, в XIV в., сменяют сербы. Объяснение этому явлению, едва ли только случайному, возможно, как наиболее вероятное, предложить такое: XIII век югославянской письменности есть еще век преобладания болгарской письменности на всем Балканском полуострове и в частности на территории Сербии, еще не успевшей выработать свой сербский извод, а тем более в той полосе, где обе народности встречались, и где позднее оба извода жили рядом, часто даже под пером одного и того же писца (каков, напр., известный Лесновский пролог 1330 г.), как это было между прочим и в Македонии; в XIV в. в той же Македонии, вследствие усиления сербского государства, ставшего в это время самым влиятельным на всем Балканском полуострове и только что завладевшим даже полугреческими областями юго-запада Македонии, сербская письменность получает преобладание и усиленно культивируется; а к этому времени, как мы видели, относится и оффициальное учреждение сербского монастыря и общины в Иерусалиме сербским правительством. Если мы примем во внимание приведенное выше понимание хризовулов Милутина и Душана, можно с этим учреждением поставить в связь и эту смену изводов: до оффициального утверждения Милутином монастыря Михаила, он при Савве и Симеоне жил притоком из той же Македонии, которая давала колонии рукописи преимущественно болгарские XIII века, как более распространенные тогда, а с XIV века, с усилением сербского самосознания, — сербские, игравшие и на родине более видную роль в письменности.[1]

что он под руками «списков южнославянского Типика имел пять (лучшие, №№ 493 и 241, Хиландарские); три идут: два из библ. св. Саввы и один синайский» (Путешествие на Восток, стр. 58)?

[1] О сознательной культивировке в XIV в. именно сербских изводов может свидетельствовать, между прочим, уже упомянутое послесловие в Триоди 1374 г. (Нор. V), повторенное целиком и в другом экземпляре (Кр. 1): она «извода новога, нь истинь. боугарскога ѥзика. терь богь вѣсть. велма ни е било оусилно прѣставлѣти га на срьбскы ѥзыкь» (Вост. 102).

В таких чертах в общем рисуется история югославянской письменности в Палестинской колонии за время процветания ее — в XIV веке: картина эта, с одной стороны, обнаруживает некоторый параллелизм с историей самого сербского государства, что должно быть вполне понятно в силу той связи между метрополией и ее колонией, как это я пытался указать выше; с другой стороны, мы замечаем в этой истории своего рода аналогичные черты с намеченной нами историей славянской же общины на Синае. Имея же в виду общность источника, из которого и там и здесь питалась письменность, и одинаковую роль в частности Македонии, как культурного центра югославянской письменности втечение ряда веков вплоть до турецкого почти завоевания, а, кроме того учитывая и намеченный нами факт сношений с метрополией обеих общин, синайской и палестинской, — имея все это в виду, мы можем представить общую историю славянской письменности на Востоке, разделивши эту историю пока на два периода: до XIV века и в XIV веке, т. е. до начала процветания Сербии и за время процветания ее.

Судя по местам нахождения памятников письменности и по времени их написания,[1] надо, повидимому, предполагать, что синайская община славянских выходцев из Македонии явилась раньше палестинской македоно-сербской: древнейшие глаголические и болгарские памятники оказались на Синае, а не в Палестине; с XIII в. были, кажется, македонские славяне, употреблявшие болгарское, тогда общераспространенное правописание, уже и в иерусалимской общине до ее оффициального учреждения: видимо, это стремление на христианский Восток началось еще до господства сербов в Македонии. Какими побуждениями руководилось это стремление: чисто ли религиозными, или иными, может быть, и политическими? Последнее предположение не исключено, если принять во внимание, что стремление не только завладеть, но и заменить собою в целом ряде функций Византию не было чуждо и Болгарскому царству к концу XII века: сербы в этом отношении имели перед собою уже

[1] Конечно, при этом предполагается, что рукописи, писанные на Балканском полуострове, попадали на Синай или в Палестину, спустя небольшой промежуток времени, так как они имели практическое значение для богослужения и для чтения.

несколько проторенную дорожку и только решительнее и отчасти успешнее проводили ту же идею славянского государства на Балкане; а деятельность Саввы сербского, как мы видели, также уже не чужда этой подкладки и относится к первой половине XIII века; и в том и другом случае Македония играла роль главной арены, где раньше Болгары, а за ними Сербы пытались осуществить сходный в общем план создания славянской державы в замен греческой Византии на Балканском полуострове.

На таком фоне представляя себе историю славянской письменности, можно, как мне кажется, ближе подойти и к истории этой письменности за пределами родины на христианском Востоке.

## III.

Остается еще один вопрос в истории этой письменности на Востоке, именно: вопрос об отношениях ее и к ней письменности и литературы христианского Востока. Конечно о влиянии славянской письменности на восточно-христианскую, греческую и древнюю в своих основах, речи быть не может. Едва ли может быть речь и о влиянии славянской письменности даже на местную сирскую или арабскую: эти обе, поскольку они были христианскими и выросшими под непосредственным и сильным влиянием греческой и старо-христианской, стояли выше небогато представленной славянской письменности на Востоке: последняя была, как мы можем судить по дошедшим ее памятникам, ограничена почти исключительно необходимой литературой богослужебной и немногими переводными с греческого четьими текстами, т. е. заключала в себе то, что давно уже из того же источника было усвоено, да еще в большем объеме, этими восточными. Наконец, интересующая нас славянская колония на Синае и в Палестине и численно и, вероятно, в смысле образованности, была слишком слаба сравнительно с туземным и особенно греческим элементом, стоявшим во главе, чтобы уже a priori можно было говорить об ее влиянии на местную литературу или даже об ее участии в этой литературе. Фактов же такого влияния нам до сих пор и не известно.

С другой стороны, вполне допустимо и возможно теоретически в данном случае непосредственное воздействие на эту колонию и ее письменную производительность литератур христианского Востока, если не современного (в виду общего упадка интеллектуальной жизни под мусульманским игом), то старого, поскольку эта старина еще сохранилась и была жива в это позднее сравнительно время. И действительно: попытки указать на факты этого непосредственного влияния ближайшего христианского Востока (главным образом Сирии) на славянскую культуру, как раз интересующего нас времени, были сделаны в недавнее время, в частности в области искусства Сербии, до некоторой степени и ее письменности. Если бы эти попытки привели к положительным и прочным фактам, возможно было бы говорить и о роли здесь наших славянских общин на Востоке, хотя бы в виде посредников между Востоком и метрополией. Так, анализируя миниатюры известной сербской Псалтири XV века Мюнхенской библиотеки, проф. Иосиф Стржиговский,[1] исходя из композиции и реалий отдельных миниатюр этой богато иллюстрированной рукописи и изучая ее одновременно с аналогичной Псалтирью XVI—XVII в. Белгр. Народн. Библиотеки, находил возможным видеть непосредственное влияние раннего (VI — VII в.) по происхождению сирийского оригинала на сербского миниатюриста XV века; при этом для обоснования возможности такого влияния он ссылается в качестве аналогий, на собранные им при помощи проф. К. Иречка и проф. М. Мурка справки о непосредственном соприкосновении и связях сербского и палестинского монашества (иначе сказать, той колонии, о которой идет речь и у нас) с собственной Сербией, в особенности через Афон. Этого же вопроса, впрочем, общее и осторожнее касался и проф. М. Мурко в своей Истории югославянских литератур старшего времени: говоря во вводной главе о политических тенденциях сербских Неманичей, он находит «характерным» тот факт, что Неманя и его сын Растко принимают христианские имена сирийских святых — Симеона (Столпника) и Саввы (Освященного), в чем он склонен видет стремление сербов через голову

[1] Jos. Strzygowski. Die Miniaturen des serbischen Psalters... в Denkschriften der Wiener Akad. Philos.-Hist. Kl., B. LII, Wien 1906; см. стр. 87 и сл., а также 133 и сл.

Византии непосредственно связать себя с христианским Востоком, в чем, в свою очередь, сказалась, по мнению Мурка, у них старая македонская традиция (имеются в виду старые глаголические тексты на Синае и в Иерусалиме). То же значение придает он и путешествиям во св. землю арх. Саввы, сопоставлению построенной тем же Саввой мон. Жичи со св. Сионом и лаврой св. Саввы Освященного, известному в сербской письменности, затем, переводу Иерусалимского Устава (Никодимов Типик 1319 г.), основанию сербского монастыря Архангельского в Иерусалиме, наконец, сюда же он присоединяет Мюнхенскую псалтирь и тот факт, что до XVI столетия и даже в первых сербских печатных книгах того же времени мы иногда находим в летосчислении не византийскую (5508—09), а восточную «александрийскую» (5500—01) эру, употреблявшуюся не только в Египте и в Африке, но и в Сирии.[1]

Обе эти попытки (других мне встретить в научной литературе не пришлось) очень соблазнительны: они дают еще черту в истории югославянской письменности не только за пределами ее настоящей территории, но и на самом Балканском полуострове: a priori такое влияние также возможно. Но этими разрозненными указаниями вопрос о влиянии в области письменности и культуры вообще еще не решается определенно: самые факты, на которые в качестве аргументов ссылаются оба исследователя, Стржиговский и Мурко, сами по себе не достаточно убедительны, так как допускают и другие толкования, столь же, если даже не более, правдивые и законные, а потому и сообщаемые ими факты получают для нас и иной смысл и значение. Так, мысль И. Стржиговского о непосредственном в сербском искусстве XV века сирийском влиянии, идущем от оригинала VI — VII веков, уже вызвала энергичные возражения Н. П. Кондакова и Милле,[2] доказывающие убедительно, что дело обстоит не так уже просто, как предположил проф. Стржиговский, ибо

---

[1] M. Murko. Geschichte der südslawischen Litteraturen (Leipz. 1908) — в серии: Die Litteraturen des Ostens in Einzeldarstellungen, B. V, 2, стр. 136 и сл.

[2] См. Н. П. Кондаков. Македония. Археологическое путешествие. СПб. 1909, стр. 63 и сл. и стр. 275 и сл. Там же и соображения Милле; за гипотезу Стржиговского высказался Ф. И. Шмидт в ЖМНП 1908, XII, 429. Ср. Archiv für slav. Philol. XXXI, 466—472 (немецкий перевод И. В. Ягича извлечения из указ. книги Н. П. Кондакова).

находится целый ряд иных фактов, которые с полным правом могут служить для объяснения того, что казалось неясным Стржиговскому, чересчур прямолинейно ставящему в связь сирийский, не найденный, оригинал и сербскую рукопись и оперирующему с возможной случайностью встречи сербским художником сирийской рукописи VI — VII в. В результате гипотеза Стржиговского, построенная главным образом интуитивно, не достаточно обоснована, слишком поспешно и слишком резко формулирована. И факты, приводимые М. М. Мурком (отчасти те же, которые имел в виду и Стржиговский) в его «Истории славянских литератур», как было уже указано, допускают столь же правдоподобное, но иное истолкование: его толкование, таким образом, для нас не обязательно в полной мере и не единственное возможное. Так, едва ли можно видеть непосредственное влияние Востока, в частности Палестины, в появлении в 1319 г. сербского перевода Иерусалимского Устава. Помимо того общеизвестного явления, что Иерусалимский Типик уже в XII в. стал входить в употребление в самой Византии и в странах, входивших в сферу ее влияния,[1] заменяя собой постепенно и по частям старший Типик (так называемый Великой Церкви), самое появление сербского перевода Иерусалимского Типикона, выполненного по поручению архиепископа сербского Никодима (1316—1323) в Константинополе, не допускает толкования этого факта в смысле обхода Византии или стремления заимствовать Типик через ее голову прямо из Палестины: посредство той же Византии и, самое большее, возможное косвенное участие в этом деле представителя церкви Иерусалимской, здесь на лицо, если мы вспомним обстоятельства, при которых совершился перевод Типика, подробно изложенные в предисловии к переводу. Вот как излагаются эти обстоятельства в старейшем списке от лица самого Никодима:[2] памятуя завет св. Саввы, устроителя Сербской церкви «молю по мнѣ хотещихь быти, за маловрѣменныѥ ради жизни недоконьчанная мною, исправите»;

---

[1] См. хотя бы М. Лисицына. Первоначальный славянорусский Типикон. СПб. 1911, гл. I.

[2] См. Л. В. Стојановић. Записи и натписи, I, № 52, стр. 22—24, или Гласник Српског Ученог Друштва, IX, 189 и сл.; ср. Е. Е. Голубинский. Краткий очерк правосл. церквей, стр. 459.

Никодим, постарался сделать хотя бы немногое в этом направлении, чему и представился удобный случай. Во время распри между Стефаном Урошем и его братом в знак примирения их состоялся в Сербии собор, который и послал его, Никодима, в Новый Рим, где в это время был патриархом кир-Нифонт, и где временно также пребывали кир-Афанасий, патриарх Иерусалимский, и архиепископ Антиохийский: «оуставь троудолюбьзный тѣхь моужи дрьжештихь типикъ по обычаю светаго града Ꙗросалима по оуставоу светаго Савы поустинежителя приемь...» Ставши же архиепископом Сербским и помня наставление своего великого предшественника св. Саввы, «послахь — продолжает Никодим—вь царьскый градь вь монастырь светаго прѣдтече и крьстителя Иоана и принесень ми бысть си типикь ꙗросалимьскы и прѣложихь и вь нашь ꙗзыкь оть писмень гречьскаго ꙗзыка». Иначе сказать, дело было так: еще игуменом Хиландаря, Никодим во время пребывания своего в посольстве в Константинополе убедился, что в Византийской церкви в это время был уже введен Иерусалимский Устав; ставши архиепископом, он вводит тот же Устав у себя в замену прежнего (Великой Церкви), употреблявшегося в Сербии еще со времен св. Саввы, для чего обращается в тот же Константинополь за оригиналом. Где же тут влияние, притом непосредственное (а о таком и идет у Мурка речь) Палестины? Самое большее, о чем здесь можно говорить, это о влиянии Византии, самой испытавшей в данном случае влияние Палестины. Так же мало говорит в пользу непосредственного влияния Палестины и сопоставление мон. Жичи с Сионом и лаврой св. Саввы Освященного: оно читается в том же предисловии к Типикону Никодима и входит в его состав; это — сравнение деяний двух лиц реторическое, чисто-литературного свойства: св. Сион и лавра св. Саввы были настолько известными и знаменитыми святынями на всем христианском православном Востоке, в том числе, конечно, и в Византии и на Балканском полуострове, что сравнение с ними не будет указывать на особое предпочтение Палестины, а сравнение с ними у Никодима тем естественнее, что Никодиму хорошо было известно отношение самого Саввы сербского к св. земле. Ведь, вот что читается в этом сравнении: «Подобясь боговидцу Моисею, которому, когда он хотел создать скинию, бог сказал: сделай все по образу, явленному тебе на св. горе (Синае),—

так и этот богоблаженный учитель наш Савва, увидев во святом граде Иерусалиме образ церкви св. Сиона и церкви Саввы Освященного, создал по тому же образцу эту великую церковь (Жичу)». О сходстве плана постройки, заимствовании его из Иерусалима здесь нет речи. Жича же построена по чисто византийскому образцу, роспись ее также чисто византийская.[1]

Так же трудно заключать о каком то особом тяготении к Палестине по факту восприятия имен Симеона и Саввы: явление слишком общее, из которого извлекать для влияния приходится еще меньше, нежели, напр., из сопоставления имени русского князя Бориса с именем Бориса, царя Болгарского...

Наконец, что касается указания на применение кое-где в сербских текстах так называемой «александрийской» (правильнее — «аниановской») эры в датах, как результата влияния якобы Сирии и вообще христианского юго-востока непосредственно на сербскую культуру и письменность на Балканском полуострове, то в этом отношении надо заметить следующее. Делая такое указание, проф. И. Стржиговский, со слов М. М. Мурка, имеет, очевидно, в виду примеры, известные нам, действительно, из рукописей сербских, каковы, напр.: псалтирь со святцами, писанная в 1646 году Гавриилом Троичанином (Прага, Музей, собр. П. И. Шафарика), Отечник 1540 г. (Крушедольского монастыря), а также печатные издания: Литургия (Венеция, 1527), Евхологий (Горажд, 1521), Молитвослов Викентия Вуковића (Венеция, 1560) и кое-какие другие.[2] Здесь, действительно, находим этот редкостный счет годов от сотворения мира до Р. Х. в 5500 лет, иногда, впрочем, рядом, с обычным — в 5508, т. е. как будто «александрийскую» эру, а не «цареградскую», обычную в юго-славянской и русской письменности. Но следует ли из одного этого факта, взятого как он есть, заключать, что мы имеем перед собою факт именно непосредственного влияния (да еще идущего от VI — VII веков) Сирии на славянство Балканского полуострова, притом засвидетельствованный только для столь

[1] Н. П. Кондаков. Македония, стр. 65.

[2] См. P. J. Šafařik. Geschichte d. südslav. Litteratur. Prag 1865, III, 1, стр. 188 и сл.

позднего времени, как XVI и XVII века? Имеем ли мы право делать такой вывод только потому, что в Сирии в употреблении была «александрийская» эра, а в Византии и у славян, бывших главным образом под ее воздействием, иная — «константинопольская»? Справка в истории применения при хронологических выкладках различных эр в самой Византии и у славян, а затем объяснение спорадического появления «александрийской» эры в славянских рукописях показывают, что такой вывод из этого явления, какой сделан проф. И. Стржиговским, не только не обязателен, но и не приемлем, даже при допущении правильности (а ее, мы видели, нет) других аргументов в пользу непосредственного сирийского влияния на культуру южных славян. В Византии эра в 5508 лет стала далеко не сразу и не искони общеупотребительною: ей предшествовала известная эра Юлия Африкана, считавшего, что Христос родился спустя 5500 лет от сотворения мира; но эта эра большого распространения в Византии не получила, за то в начале V века ее в основу своей хронологии положил Анниан, египетский монах, специалист по пасхалии; его «пасхальные таблицы» (вычисленные на 532 года вперед) создали ему такую популярность, что эту эру приняли многие в Византии и для других вычислений, ее держались преимущественно хронисты еще в IX веке (напр., Феофан - продолжатель). Но и в этом случае она преобладания не получила: в IX в. в общем употреблении была уже эра в 5508 лет («цареградская», «ромейская»), хотя не вполне исчезла и «александрийская», считавшаяся «церковной» и «ученой», как якобы более точной и применимой в серьезных научных трудах, нежели обиходная. [1]

Следы этого колебания в хронологии от сотворения мира до Р. Х. остались, таким образом, в византийской письменности спорадически и по отражению от нее могут быть наблюдаемы также спорадически и в письменности славянской вообще, не только югославянской, но и русской.

---

[1] См. Д. Лебедев. Средники (ЖМНП 1911 и отдельно), стр. 7, 10, 11, 22, 23, 26; ср. В. В. Болотов. Лекции по истории древней церкви. I. Введение в церковную историю. Спб. 1907, стр. 94. У Никифора (Χρονογραφικὸν συντόμον) — целых три эры, в числе их, и «александрийская»; ср. Н. В. Степанов. Летописец вскоре... (Известия ОРЯС XVII (1912), кн. 2 и 3); ср. M. Weigart. Byzantinské kroniky v literatuře cirkovněslovanské. Čast. I. Bratislava 1922, 57.

Так, уже в X веке черноризец Храбр в своем известном «Сказаніи о письменехъ» руководился, повидимому, в определении года изобретения славянских письмен (6363) счетом в 5500, а не 5508 лет от сотворения мира.[1]

Этот же «александрийский» счет попал через греческий оригинал в так называемую «Псалтирь с восследованием», широко распространенную до сих пор и у русских и у славян:[2] здесь в месяцеслове под 25 декабря прямо читается: «Родисѧ Гдь.... въ лѣто о созданіа міроу е҃ф індикта і҃, кроуга сонлца в҃і, лоуны ѳ҃, въ средоу».[3]

Что же касается собственно сербской письменности, где встречена эта «александрийская» эра, то нельзя не обратить внимания на то, во-первых, что ее применение — явление позднее, притом ограниченное почти исключительно одним XVI веком,[4] во-вторых, что эта датировка обычно сопровождается переводом лет от сотворения мира на года от Р. Х., в-третьих то, что в этом переводе, если его проверить другими хронологическими данными, приводимыми в той же самой записи (круг солнца, круг луны, темелион, индикт), во всех почти случаях оказывается разногласие или в годе, или в сопровождающих указаниях. Приведенное сопоставление с практикой византийской может указывать нам на то, что спорадическое появление «александрийской» эры в сербской письменности во всяком случае с большей долей вероятия объясняется отзвуком влияния той же Византии, нежели непосредственным воздействием Сирии или Палестины: и это тем более представляется вероятным, что указанные выше проф. Стржиговским и Л. В. Стояновичем случаи относятся именно к той поздней эпохе сербской письменности, когда непосредственные связи сербов с Палестиной или Сирией давно

---

[1] Текст см. у И. В. Ягича. Рассуждения старины о церковно-славянском языке, стр. 300; ср. там же стр. 319; ср. также А. М. Селищева в Рус. Истор. Журн. № 7, стр. 195.

[2] К числу их относится и Псалтирь с часословом, напечатанная в 1521 г. в Горажде; подробнее о ней и ее дате см. Л. В. Стојановић. «Александријска ера». Сборник в честь В. И. Ламанского. СПб. 1908, II, стр. 830—831.

[3] По изданию М. 1888 г., л. 202 об.

[4] Л. В. Стојановић (op. cit.), насчитал всего десять таких случаев, из коих один падает на средину XVII века, и один не принадлежит сербской письменности.

уже оборвались или почти оборвались; более же близкий источник влияния продолжал оказывать свое воздействие: хорошо известна роль греческого Афона в югославянской письменности этого времени.[1] Если же иметь в виду объяснение «александрийской» эры в сербской письменности, даваемое Л. В. Стояновичем,[2] именно, связь этого явления с плохо воспринятым отзвуком западной практики, а потому и не получившим распространения и скоро забытым, то и в этом случае взгляд проф. Стржиговского останется неприемлемым, не касаясь того, какая точка зрения, моя ли или Стояновича, по существу должна быть признана более близкой к истине: решение этого вопроса в данном случае выходит за пределы нашей ближайшей цели.

Таким образом, ни один из приведенных обоими исследователями аргументов в пользу непосредственного влияния христианского Востока на письменность и искусство Балканского полуострова не ведет к категорическому признанию этого влияния, хотя и отрицать его возможность мы также не имеем данных: высокое уважение к колыбели христианства, общее всем христианским народам и независимо от непосредственного влияния, могло сказываться в культуре и южных славян, хотя бы через ту же Византию, а это, конечно, еще не будет говорить о непосредственном влиянии Сирии или Палестины, или Синая на письменность югославян. Увлечение Византией, ее влияние остаются на лицо, даже в таких актах, как основание колоний славянских на Востоке: это было стремление создать и себе такие же отношения к христианскому Востоку, какие выработала в течении веков та же Византия, а затем стремление заменить в этих отношениях ту же Византию, что̀ пытаются — и не особенно удачно — в области государственной сделать сперва болгары, а

---

[1] Кстати; для характеристики отношения к «александрийской» эре в старой сербской письменности, любопытно привести выписку из рукописи, к сожалению, без более точного указания ее происхождения, встреченную мною в бумагах арх. Порфирия (Гос. Публ. Библ., F. XVIII, 34): «Глаголютъ, яко 5500 лѣто приде господь, но немнози согласують о семъ. Въ ѕ҃-ю же тысоущоу вьси съгласують зѣло опытни писателе сагласоують ѝвльша се г҃а. Аще ли и разгласують о семь дроузии, но пророческій гласъ истиноуеть паче, оучѐ въ шести (sic!) явившисе господа». Повидимому, выписка в смысле точности мало удовлетворительна.

[2] Op. cit., стр. 834—5.

за ними и сербы. Как попытка, окрашенная политическими тенденциями, сербская колония, помимо служения своего интересам религиозным, которыми прикрывалась культура вообще всего средневековья, стояла в зависимости от политического положения страны, направившей эту колонию; когда же политическая сторона сходит со сцены, остается только более глубокая — религиозная, которая и поддерживает жизнь этой колонии, а эта сторона уже мало имеет общего с государственным принципом, сохраняя в лучшем случае характер национальный: сербы, болгары и отчасти русские, все племена родственные и близкие по культуре, группируются около этой сербской колонии: паломники XVI—XVII и XVIII века с Балканского полуострова находят приют в монастырях, когда то бывших во владении сербской государственной власти и сербской колонии; туда же тянут и русские богомольцы: этот процесс можно наглядно проследить по многочисленным записям, которыми покрыты славянские рукописи, бывшие собственностью мон. арх. Михаила в Иерусалиме и лавры св. Саввы.

В результате невольно напрашивается мысль, что непосредственное соприкосновение славянской письменности с восточной не успело вылиться в устойчивое влияние последней на первую: до сих пор прямых следов такого влияния, хотя бы, напр., в появлении переводов, сделанных на Востоке с греческого, тем более с восточных языков, на славянский нам неизвестно.

Конечно, этим не отрицается еще всякое значение юго-славянских общин в Палестине и на Синае для истории юго-славянской письменности: если они не создали чего-либо значительного, заметного в этой письменности, за ними остается заслуга поддержания среди юго-славянских народностей того религиозного тяготения к христианскому Востоку, которое в виде паломничества сыграло свою видную роль в миросозерцании и литературе славянских народностей. Какова эта роль, точнее определять не стану: это выходит за пределы поставленной теперь задачи и по существу и хронологически, относясь к более позднему времени, нежели отмежеванное нами; достаточно указать, что отзвуки религиозной палестинской и вообще восточно-христианской легенды могут быть констатированы и в юго-славянской письменности и устной сло-

весности. Исследование этих отзвуков должно составить предмет отдельной работы. Для современной нам науки изучения истории славянской письменности эти общины чрезвычайно ценны по своему значению: они бережно донесли до нас древний материал старой письменности, начиная с глаголических памятников XI века и до полного расцвета юго-славянской, особенно сербской, письменности XIV века, а в ряде случаев и до позднейшего времени: их обособленность от изменчивых условий балканской жизни, своего рода неизменность обстановки, среди которой началась жизнь этой письменности, до сравнительно позднего времени способствовали тому, что мы до этого позднего времени могли там наблюдать условия и памятники отдаленного сравнительно времени. В частности история этих общин дает еще одно указание на одну страницу самой славянской письменности, позволяя подчеркнуть то центральное значение, которое выпало на долю Македонии в истории юго-славянской письменности: эта роль Македонии выяснялась нами на основании других источников и других данных, теперь она получает новое подтверждение с той стороны, которую открывает юго-славянская письменность, сохраненная в отдаленном монастыре Востока.

---

## Приложение.

### СЛАВЯНСКИЕ РУКОПИСИ СИНАЯ.

Нижеследующий перечень славянских Синайских рукописей составлен по следующему плану:

1) В основу положен перечень Синайских рукописей арх. Антонина,[1] при чем удержана и его нумерация, как принятая в самой библиотеке Синая; сведения, даваемые им о каждой рукописи, приводятся целиком в первом отделении; в примечаниях приведены поправки и дополнения, почерпнутые из черновых рукописных заметок арх. Антонина, послуживших основой для печатного списка и хранящихся ныне в библио-

---

[1] Из записок Синайского богомольца. Труды Киевск. Духовн. Академии, 1873 г., сентябрь, стр. 348—354, примечание.

теке Гос. Академии Ист. Мат. Культуры. Ими я обязан любезности В. Н. Бенешевича.

2) Во втором отделении, также целиком (опуская, однако, выписки) приводятся сведения о рукописи, найденные в рукописных перечнях арх. Порфирия,[1] при чем в конце дается номер по общему его перечню; если это рукопись датированная, то указывается ее номер и по отдельному перечню таких рукописей, имеющемуся в бумагах арх. Порфирия. Сюда же присоединены упоминания о рукописи, если такие есть, в «Первом путешествии на Синай», арх. Порфирия (СПб. 1856).

3) Приводятся указания по фотографиям В. Н. Бенешевича, сделанным по одному образцу с каждой рукописи в 1911 г. (по экземпляру Азиатского Музея Академии Наук, Fasc. photogr. 56), если таковые имеются. Здесь же приводятся и другие указания относительно рукописи из иных источников, если таковые известны.

4) Наконец, по мере надобности, кое-где даются точные выписки из рукописей по фотографиям В. Н. Бенешевича. Заключенное в прямые скобки [ ] принадлежит мне.

1. *Евангелие*, расположенное по дневным чтениям. Бум., лист, нового письма.

У арх. Порфирия соответствующего нет.[2] Снимок Sin. 1, В. Н. Бенешевича дает также евангельский текст (Луки), но по письму не моложе XIV—XV века: идет, стало быть, из *иной* рукописи. Строк на странице по снимку 25, извод сербский.

2. *Четвероевангелие*. Перг., мал. 4-ка, XI—XII века, по 20 строк на странице. Редакция болгарская (дивлѣахѧ [sic!] сѧ).[3] Письмо косое, некрасивое. В одном месте книги есть заметка: Приде рабъ Божій многогрѣшный попъ Петръ отъ подунавїю отъ града Никополь въ монастырь Синайскій въ лѣто ѕ҃о҃к҃ [?] при епископа Евгенїа. В книге нет начала.

---

[1] П. Б. F. XVIII, 34.

[2] Из евангелий у него в список вошло только одно Четвероевангелие «сербского попа Иоанна»; см. ниже № 3.

[3] В чернов. указано: «безъ начала: ри емѕ іс҃ѣ. и вси дивлѣахжсѧ». Слова эти надо понимать, видимо, в том смысле, что текст рукописи начинается с Мр. V, 20.

Странно, что рукопись эта не вошла в перечни арх. Порфирия. Это — «Добромирово» евангелие, поступившее через И. В. Ягича в Публ. Библиотеку (Q. п. I, № 55; см. Отчет Публ. Библ. за 1899 год, стр. 155—156); оно подробно исследовано тем же И. В. Ягичем: Evangelium Dobromiri. Ein altmacedonisches Denkmal des kirchenslavischen Sprache des XII. Jahrhunderts. I. Grammatischer Theil (mit drei Tafeln). II. Lexicalisch-kritischer Theil (см. Sitzungesberichte der Wiener Akad. Philos.-hist. Klasse, B. CXXXVIII u. B. CXL, 1898). Рукопись отнесена к XII в., листов в ней 183 (тетради 15—38); запись писца (Добромира попа) — на л. 121; запись, приводимая арх. Антонином, в рукописи (л. 183 об.) читается так: + зе҃ прїиде ра҃ бж҃їи мнѡгрѣшни по҃ петръ ѿ подꙋнавїю. ѿ гра҃ никѡль въ монаті сїна$^{і}$скїи. въ лѣто ҂з҃о҃ѕ҃ прі епи҃кꙋпа евгенїа (т. е. в 1568 г.). На том же листе запись святогорца Софрония о путешествии из Синая в Иерусалим, XVII—XVIII вв. Кое-где (л. 75 об., 173 об.) старый текст наведен другими чернилами позднее; в тексте и на полях много поправок, приписок. По мнению И. В. Ягича, текст писан в *Македонии в XII в.* с глаголического оригинала (ук. соч., стр. 7—8, 15), размер 21 × 16 сант., в общем по 20 строк (но есть и 19, к концу рукописи 21 до 24).

25 листов «Добромирова» ев. остались под тем же номером на Синае (В. А. Розов, Минало, III, 9, стр. 16—17).

Под этим № в 1907—1911 гг. на Синае числилась уже *другая* рукопись, как можно судить по снимку В. Н. Бенешевича (Sin. 2) с этим номером. По содержанию снимок (20 строк на странице) *не* евангелие, а скорее всего либо часослов, либо требник,[1] *сербского* извода, может быть века XIII—XIV. Выписка по фотографии:

И немощи чл҃чьскиѥ ицелаѥ
ши. и҆же троу҆ж҃аю҆щеѥ҆се
и҆ ѡ҆бремененьниѥ кь себѣ
призываю҆. не пришьдь
призвати праведьники

[1] На фотографии читается текст из молитвы перед причащением.

нь грѣш҃ники на покаꙗниѥ.
ѡ҆чисти мене ѿ в҃сакоѥ скв҃рь
ны пл҃ти и дх҃а. и҆ наоучи
ме творити ст҃ню вь стра
сѣ твоѥ҆мь. да вь чт҃ѣ сь
ведени сьвѣсти моѥ҆ѥ҆.
свщ҃енеи твои҆хь ч҃ь прии
моу. сьѥдинюсе ст҃омоу
тѣлоу и крьве твоѥ҆ѥ҆.

3. *Четвероевангелие.* Бомб., в 12-ю д. л., полное. Письмо уставное, красивое, с киноварью, по 19 строк на странице. Писал иеромонах Иоанн.

«*Четвероевангелие*, in 8⁰, на бумаге, конца нет. Сербской рецензии» (№ 1).

Выписки из него (не точные в отношении графики) в качестве «Образчиков книжных трудов сербского попа Иоанна» даны в «Путешествии», стр. 222—223.

У В. Н. Бенешевича в фотографии — Sin. 3. Извод *сербский XV века.*

4. *Апостол.* Перг., бол. 8-ка, без начала. Первые слова сохранившегося текста: и явишася раздѣлены имъ[1] языци [Деян. 2, 3]. Редакция сербская, XII—XIII вв. Письмо правильное, красивое, по 22 строчки на странице, с киноварью. В месяцеслове под 13 февраля: память преп. Симеона Мироточца, царя Сербска.[2]

«*Апостол* церковный. Но начинается с Деяний и оканчивается Посланием к евреям. Полуустав довольно хорош. Начала и конца нет. На пергамине, in f⁰ малое» (№ 29).

Судя по снимку В. Н. Бенешевича (Sin. 4) с л. 150 об. — 151, определение арх. Антонина во всем верно, кроме века: следует отнести *к XIV веку,* как по графике, так и по языку: 1) узкий устав без большой разницы между тонкими и толстыми штрихами; 2) угловатое ч,

---

[1] В чернов.: «имъ раздѣлени».

[2] В чернов. добавлено: «Ни Покрова, ни 9 мая».

ж с приподнятой высоко маленькой верхней частью; 3) є̇ (= ѥ) в конце строк; 4) кое-где уже ударения: то́ж҃е; а) род. мн. с ьь (ср҃цьь҆), б) ф. и҆мамы҆, в) смешение ы и и: покри́ваю, ѿкри́ваю. Извод *сербский*.

5. *Апостол*, расположенный по чтениям. Перг., 4-ка, XII века, без начала. Текст начинается словами: вѣка о христѣ д҃і лѣтъ [ [1]]. Письмо старое, неровное, в 2 столбца по 29 строк, с киноварью. Книга крепко запачкана, кожа худая, желтая и покоробленная.

«*Апостол* церковный, на пергамине in 4⁰, полуустав не хорош. Сербский с месяцесловом. В конце: Г҃и помози рабоу своѥмоу геѡргиѥви стяжавше книгы сїꙗ даи ѥмоу б҃ъ внити во цр҃тво. В 2 столбца, без года» (№ 24).

В приведенной в черновике выписке находим, однако, такие формы: нѣлжю, скербь ми вѣлиꙗ, молѧхъ, бо сѧ, о҆нафема, по плъти.

Снимка у В. Н. Бенешевича нет.

6. *Псалтирь*. Перг., 16 д. л., XII в., без начала. Текст начинается словами: сохрани душу[2] мою — из 24 псалма. Оканчивается на Песни отроков. Письмо ровное и малое,[3] с киноварью, по 20 строк на странице.

«*Псалтирь* на пергамине in 8⁰, без начала и конца» (№ 20).

Судя по выписке в черновике извод *русский* (ъ, я = ѧ).

О ней см. у Н. П. Кондакова «Путешествие на Синай в 1881 г.». Одесса, 1882, стр. 159; у него же в альбоме снимков,[4] рукоп. определена XII—XIII веком, даны формы: притъчю, пороуганиѥ, ѧзъщѣ.

У В. Н. Бенешевича (Sin. 6) даны псалмы 94 (весь) и 95 (начало). Палеографические указания подтверждают арх. Антонина. Извод, действительно, *русский* (искоусиша мѧ и видѣша дѣла). Выписка:

Ѧко въ роуцѣ ѥго конци земли ⁘
И въıсотъı горъı того сѫть ⁘

---

1 Соответствующего места в Апостоле не нашлось.

2 В чернов.: «душю».

3 В чернов.: «Письмо малое и рѣзкое превосх.».

4 По экземпляру альбома фотографий, любезно предоставленному мне В. Н. Бенешевичем.

Ꙗко того ѥсть море и тъ сътвори ѥ ⁘
И соушю роуцѣ ѥ̇го съзьдасте ⁘
. . . . . .
И мы людиѥ паствины ѥ̇го и̇ овь
ца роукѫ ѥго.

7. *Псалтирь*. Перг., 16 д. л., XII в., без начала. Первые слова: жающе ми. Мнози встають — из 3 псалма. Между кафизмами положены тропари и молитвы. К ним присоединены еще Мертвенные и Воскресные «тропари по непорочных», избранные псалмы и молитвы от соблазна. За псалмами по обыкновению следует 10 песней. Письмо толстое и красивое по 15 строчек на странице. Книга весьма повреждена сыростью.

«*Псалтирь* на пергамене, в 16⁰, толстая, сербской рецензии» (№ 2). Заметка: «ѧ нет юсов» (чернов.).

У В. Н. Бенешевича (Sin. 7) совпадает с Антонином, но на снятом листе — 14 строк на странице. По письму следует отнести к XIII—XIV в. и к *сербскому* изводу (ненавидешихь те — в пс. 73).

8. *Псалтирь*. Перг., 32 д. л., XIII—XIV в., без начала. Первые слова: накамень възнесе мя — из 60 псалма. Кончается песнью св. Анны. Письмо малое, неровное, по 13 строк.[1]

«*Псалтирь* in 24⁰, ни начала, ни конца, на пергамине» (№ 34).

Фотография В. Н. Бенешевича дает 12 строк, подтверждает определение арх. Антонина. Извод *сербский*. Выписка:

Исповѣдайте се гв҃и ꙗко
бл҃гь ꙗко вь вѣкь мл҃ть ѥ ⁘
(К)то вьз̓гле҃ть сили гн҃е оу̇
слишань ст҃орите ве҃
хвали ѥ̇го ⁘ бл҃жени хр҃
нещеи соу̇ ⁘ и̇ твореще
и̇ правдоу вь всѣко вр҃ме ⁘

[1] В чернов. добавлено: «Переднее листы приплетены позади».

9. *Псалтирь* с восследованиями. Бомб., 12 д. л., XIV в., без начала. Первые слова: Въсоу землю изыде вѣщаніе ихъ... Письмо крупное и красивое, по 19 строк. Книга запачкана.

«*Псалтирь* следов. на пергамине, in 8⁰» (№ 32).

У В. Н. Бенешевича фотографии нет. Судя по выписке у арх. Порфирия (чернов.), следует отнести к *русскому* изводу; формы: мя (не раз), немощенъ, смятош*ася*, кости мо*я*, чю*ж*ии, в*а*сташ*а*, възискаш*а*, дш҃а моѥꙗ (gen.).

10. *Псалтирь*. Бум., мал. 4-ка, XV в., с изображением (плохим) царя Давида и другими прикрасами. Письмо не особенно красивое, по 22 строки. Всех в книге листков 157.

«*Псалтирь*, in 8⁰, на бумаге. В конце следованная. Приписано: Азь грѣшній рабь бж҃ии иѥромона^х^ иѡа҆нь. исписа^х^ сии плт҃рь оу ст҃ои горѣ синайскои, изведо^х^ га из двѣю плт҃роу извода ст҃огарьскога да мл҃ю ви бра҃ꙗ и ѡц҃и исправляюще чьтѣте, а не кльнѣте, ѡбаче бл҃влѣите, а вась бъ҃. Аминь. Есть служба Неопалимой купине, поется всякую субботу у святой купины» (№ 30, датир. № 10).

Выписки — «Образчики книжных трудов сербского попа Иоанна» — см. у арх. Порфирия в «Путешествии», стр. 223—224 (не точны). В черновике у него же рукопись отнесена к датированным: «около 1481 года».

Фотографии у В. Н. Бенешевича (Sin. 10) дают псалмы 98, 99 и начало 100. Извод *сербский*; рукоп. следует отнести скорее к XVI, нежели к XV-му, веку.

11. *Профитолог*. Бум., лист,[1] XV в. Начало: Искони сътвори Богъ... Конца нет, прерывается на словах: вьзненавидѣ оутроба... Письмо некрасивое, 27 строк, с киноварью и также яркою зеленою краскою.

«*Притчи* на дни месяцов, in f⁰, на бумаге (2 столбца), полуустав весьма худый, некрасивый. Буквы кривы. Начинается с повечерия Рожд. Х-ва. Под 24 июля Бориса и Глеба, с чтением: ѿ

[1] В чернов. добавлено: «2 столбца».

бытьꙗ чтенье: Слы́шавъ ꙗ҆рославъ, ꙗ҆ко ѡ҆ц҃ь е҆го оу҆мре... (№ 27).

Отрывок (2 л.) находится в Публ. Библиотеке (F. I. 590), как раз из указанной арх. Порфирием паримьи, вывезен им (см. Отчет Публ. Библ. за 1883 г., стр. 58). Относится к XVI в., извод *русский*. Фотография В. Н. Бенешевича (Sin. 11) дает л. 68 об. — 69. Указание на письмо в два столбца правильно.

12. *Часослов.*[1] Перг., 12 д. л.,[2] XIII в. Начинается шестопсалмием. Письмо правильное с киноварью, 17 и 21 строка. В месяцеслове его есть праздники: Покрова, Перенесения мощей св. Николая, св. Феодосия Печерского, св. Владимира и св. Бориса и Глеба.[3]

«*Часослов* in 4⁰ на пергамене» (№ 3).

Один лист был вынут арх. Порфирием и поступил в Публ. Библиотеку (Q. п. I, № 38); вся же рукопись, через И. В. Ягича, приобретена той же Публ. Библиотекой (Q. п. I, № 57); см. Отчет Публ. Библ. за 1899 г., стр. 156—157.

Извод *русский*, формат — 4-ка, XIII в.; поэтому ошибочно указание на нее арх. Порфирия в числе «Образчиков правописания сербского» («Путешествие», стр. 217). Снимок дан в альбоме Н. П. Кондакова; отнесен к кунцу XII века; формы: оутвьрдисѧ, вълнъı. Ср. его же «Путешествие на Синай» (Од. 1884), стр. 159.

13. *Часослов.*[4] Перг., 4-ка,[5] XII—XIII в.[6] Начинается чином «куроглашения», без конца. Письмо крупное и резкое, по 18 строк. Книга весьма толстая и запачканная, достойная тщательного исследования.

У Порфирия в его перечнях не находится. Полный снимок с рукописи (л. 1в—176а), сделанный В. Н. Бенешевичем (см. его «Отчет о поездке в 1911 г.» в Изв. Акад. Наук, VI серия, 1911, № 16, стр. 1103) имеется в Академии Наук.

---

1 У арх. Антонина он за № 13, вероятно, по ошибке.

2 В чернов. добавл.: «старый».

3 В чернов.: «Есть Покров и 9 мая и 15 июля Володимера крестивша и 3 мая, Феодосиа игумена и 2 мая перенес. мощей муч. Бориса и Глеба».

4 У Антонина он за № 12.

5 В чернов.: «мал. 4⁰».

6 В чернов.: «очень старый. XII», т. е. XII века.

14. *Служебник*. Бум., мал. 4-ка, XVII в., с следующими за ним Апостоло-евангелиями. Письмо хорошее, по 19 строк.[1]

«*Книжица богослужебная*, в 16⁰, на бумаге. Ни начала, ни конца. Писана гражданским полууставом. Выписка: Всеѥ твари сьдетел҃ю и҆же времен҃а и лѣ҃а свое... (№ 21).

Фотография В. Н. Бенешевича (Sin. 14) — из второй части рукописи (апостоло-еванг.). Письмо полууставное, красивое, но малограмотное (переносы: любом-оу҆дрїемь, пось-тавлѣше, ꙗк-о, ѡ҆бр-ѣзанїемь, ѡ҆ н-емь; смешение *ѣ* и *е*: верою, ѡ҆брѣзаетѣ, вь оу҆тробе, славещѣ); извод *сербский*.

15. *Служебник*. Бум. 1627 г. Содержит одне литургии. Письмо с киноварью, по 17 строк. Писан в Никополе на Дунае.

У арх. Порфирия не отмечен. Фотографии В. Н. Бенешевича нет.

16. *Требник*. Бомб., мал. 4-ка, XIV в.[2] Начинается елеосвящением. Письмо крупное и неровное, с киноварью, 18 строк на странице.

«*Большой часослов*, на бумаге, в пол-лист. Есть вечерня, часы, чин благословения вод, молитвы по причащении и пр. Есть месяцеслов, написано: съ бг҃мь починаемь Синаксарь всемоу годищоу по оу҆ставоу҆ ст҃иѥ бц҃е вергѣ҃тскиѥ» (№ 13).

Фотография В. Н. Бенешевича (Sin. 17) указывает скорее на 4 д. л.; по письму (устав) может быть отнесен к XIV в., по изводу — к *сербским*.

17. *Требник*. Бум., 12 д. л., XIV—XV в.[3] Начинается чином на одеяние ризы.[4] 18 строк. Книга толстая.

«*Требник*, на бумаге in 8⁰, писан полууставом не совсем правильным. Речь сербская» (№ 18).

В черновике целиком выписана молитва (чин) идѣже міши начноуть жіта ꙗсти, в таком виде:

Чоуи́те го́ры и бры́да и҆ мїши се́го мѣ́ста. ѥре хѡ́кѥ со́ломѡнь цр҃ь проситы те́лѡсь ·р҃н· ти́сꙋкь́ мїшїихь мѣховь. да́ илѝ

---

[1] В чернов. добавл.: «съ киноварью. 23 тетради».

[2] В чернов.: «XIII» века.

[3] В чернов.: «XIV» века.

[4] В чернов.: «рясы».

те́лѡсь дайте, или бѣжыте ѿ мѣста сего гадове. проклинам ви к҃д сщ҃енникы кои҃ лїтоургїсаю б҃у. ст҃ь. ст҃ь. ст҃ь ⁘

Судя по языку этой молитвы, рукопись должна быть отнесена к *македонским* и более поздним (если молитва писана одной рукой с остальным).

Фотография В. Н. Бенешевича. Sin. 16.

18. *Требник.* Бум., 16 д. л., XVI в. Духовнического содержания с законоправильником из 333 глав. Письмо мелкое и тонкое, по 19 строк на странице. 14 тетрадей.

«*Требник,* in 8⁰, на бумаге, небольшая рукопись, дурного почерка» (№ 12).

Судя по выписке в черновиках (исключительно ь, вьзыраѥ) извод *сербский.*

19. *Параклитик* (октоих). Бум., лист, XV—XVI в.[1] Письмо разбежистое, по 27 строк. Всего 28 тетрадей. В конце книги есть большая приписка о переводе церковных книг с греческого на славянский язык монахом Афонской лавры Иоанном. Переведенными указываются: Тетровангел, Праксапостол, Литургии, Типик, Псалтирь, Феотокарь, Минея, Агирист (?),[2] Богослова, Лествица, Исаака, Варлаама, Дорофея, Патерик Антиоха «и ина многа. на нашъ блъгарскій языкъ». Книгу (и заметку) писал иеромонах Мефодие, списал ее (не сказано где) из старцев. Тут же замечено, что он кроме того переписал псалтирей 7, часникы (часослов) 5, литургий 4, лествица 3... «и ина многа».

«*Октоих,* на бумаге in folio [писан] некрасиво в XVI веке. Писал иеромонах Мефодий. На переплетном листе замечено: + Сию книгꙋ даде Гю҃ргь логоѳеть гж҃е цр҃це прѣ҃стей бц҃и сїнаискыѥ. бъ҃ да го прости. На последнем листе написано вязью: Нѡвомо҃ ахтоихꙋ конець съ бг҃ѡмь + трꙋди́ же изложениа (просто) прѣпо҃бнааго ѡ҃ц҃а нашего і҃ѡ ста́рца... (далее — большое послесловие о переводах Иоанна старца; первая половина его целиком, но без соблю-

---

[1] В чернов.: «XVI—XV в.».

[2] В чернов.: «Агириан (?)».

дения точности в передаче, напечатана в «Путешествии», стр. 215—216); затем: «Сего ради и̑ азъ грѣшныи и ходыи, и̑ послѣдніи въсѣхъ, и̑ недостоинъ нарещися и̑менемъ и̑ночьскы̑мь Меѳодїе, пр҃н [?] і҃еромѡна[х]. поражднхсѧ и̑ а̑зъ ѿ сладкы̑и[х] изводъ старцовѣ[(х)]. и̑ исписа[х] нѣколико книгъ. ѱалтири до ·ѯ҃· часникы ·є҃· литоургїѫ ·д҃· лѣствица ·г҃· и̑ ина многа. послѣди же и̑зведо[х] сего ѡ҃смогласника изъ а҃гїристъ сладкы[х] и̑ състави[х] его сице. яко же естъ, є̑диноѫ залогоѫ, ѿ҃ начала даже до конца, въ немже сѫ҃ слоужбы ѡ҃ вс҃ресни ·и҃· и̑ катадн҃евнаа пѣнїа и̑ нощнаа. неизмѣнно, покаанна̑ всѣ. и̑ пѣсни сладкыѫ є҃ѵ҃кыѫ и бл҃говѣстїи ·а҃і· и̑ мироно҃сицъ на҃гробныѫ пѣсни. Мола же въсѣкого. и̑ли братїа моа и̑ноци, и̑ли и̑ мирстїи хѡ҃любївїи, аще до ко҃ доидѣ сїа книга. или слоужїти въ ней, или прѣписовати и ѡбращете неисправленно по слабомоу оумоу моемоу. не поношаѫще злословите. да и̑ вы̑ мъздѫ прїимете ѿ҃ г҃а ба҃, даѫщаго мл҃твы молящимся и бл҃вяща лѣта праведныхъ, и̑ помн҃ѣте, ꙗ҆ко никтоже в чл҃кахъ и̑ма҃ съвръшенье [sic!] тъчиѫ є̑динъ бъ҃. и̑ томоу слава въ вѣкы вѣкѡ[м] (№ 6; датир. № 9).

Мелкие выписки (числом три) из этой рукописи даны в «Путешествии», стр. 217 («Образчики правописания болгарского»). В черновиках — в перечне датированных рукописей, рукопись отнесена к 1622 г.[1] О старце Иоанне, на основании выписок арх. Порфирия, см. у П. А. Сырку «К̑ истории исправления книг в Болгарии», т. I, вып. I, СПб., 1899, стр. 456—457. Видимо, рукопись *молдаво-болга̑рского* извода. У В. А. Розова (op. cit., стр. 17—19) рукоп. определена XIV веком, число листов — 217, формат 29 × 19,6. Приписка Мефодия дана целиком, при чем в ней следуют отклонения от приведенной у Порфирия: изложенна ...нѫ и і҃еромона[х]... състави е̑го сице до конца̑... слоужбы вс҃а ѿ вс[х]рсени... въ ꙗ҆лкохъ и̑ма҃ съврѣшеное.[2]

---

[1] Указываемая Порфирием дата относится к одной из паломнических приписок 1622 года (на л. 1), а не к самой рукописи.

[2] Надо сказать, что и выписки В. А. Розова в печати большой точностью не отличаются.

Сюда, вероятно, следует отнести фотографию В. Н. Бенешевича без сигнатуры с последнего листа рукописи: здесь иной рукой, нежели рукопись, запись: + пи҃са стоїко попъ до тебѣ попе добре многие ти҃ смѣрено метанїє съ твѣрѣємъ (?) ѡ҃ доховнїка маѯима. дадошь да дръжимь с҃расти҃ ѥ на вр҃книє ра҃и лоубовь твои҃ ѡ҃че добрє Аминь. Ниже ее опять иной рукой: Сьврьшисе сіа кн писана въ лѣ҃ ҂з҃· р҃· з҃і ∴ (7117—1609).

20. *Параклитик*. Бум., лист, XIV в. без воскресных служб и без богородичных канонов. Письмо неровное с киноварью, по 27 строк на странице.[1]

«*Каноны пресв. Бог.*, на бумаге, в лист. + Сию книоу даде Гюргь Логоѳеть гж҃е цр҃це прѣст҃ѣи бц҃и горы Синаискыѥ бъ҃ да го простить. + Ги҃ іс҃е х҃е сн҃е бж҃ии помилоуи мя грѣшнаго хваля [т. е. хвалѧ = хвалѫ] принашаѫ оубогыи Меѳодїе [т]а^х^ їеромона^х^. Есть подробная припись другою рукою 7130 года» (№ 28; датир. № 8).

В списке датированных рукописей в черновике отнесена к 1622 г. Судя по приведенной там же выписке — извод *молдаво-болгарский*. Среди фотографий В. Н. Бенешевича не находится.

В. А. Розов (о. с., стр. 19) называет рукопись Октоихом (параклитиком), листов указывает 239, письмо тоже, что № 19.

21. *Октоих*. Бомб., 32 д. л., XIV в. Содержит одни воскресные службы.[2] Письмо неровное, с киноварью, 16 строчек на странице. Спереди приплетена часть греческого часослова.

«*Стихирарь*, на бумаге, in 12°. Почерк тот же, что в Минеях 6855 г. [т. е. № 8 и 9 или у нас 27 и 26]. Речь сербская. В конце приписано: «Пасха апр. а҃ Геѡргія въ понед. д҃» и проч.

Лѣ҃ ҂гѡнѕ рождество во вторникъ и проч.

Лѣ҃ ҂гѡнз рожд. в чѐ.

Лѣ҃ ҂гѡни и проч.

Лѣ҃ ҂гѡнѳ и проч.

---

[1] В чернов. добавлено: «Полный».

[2] В чернов.: «содержит стихиры [ ] 8 гласов и потом Октоих, т. е. воскресныя службы».

далее вырвано. Отсюда очевидно, что этот стихирарь писан ранее 6856 года» (№ 10, датир. № 4).

В перечне датиров. рукоп. (черновик) определен 1348 годом, *сербским* же.

Среди фотографий В. Н. Бенешевича нет.

22. *Богородичник.* Бум., лист, XV в. Письмо с киноварью, по 27 строк на странице. Каноны ежедневные всех 8 гласов. Первый канон (в субботу вечером) с ирмосом: Горькія[1] работы..., начинается тропарем: Ужасашеся страхомъ, всецарице... Вторый (в воскресенье вечером) начинается тропарем: Неизглаголанно зачала еси Бога... Видно, что не разнится с теперешним нашим Богородичником. Приложены к Богородичным и Троичные воскресные каноны 8 гласов. Книгу писал «Меѳодіе іероа» [sic!].[2]

«Начяло съ бг҃ѡмъ ст҃го *параклитика*, невъзвра́тно прѣимѣѫ въсѣкѫ слоужбѫ ѡ҆смогласникоу, in f⁰, на бумаге. Твоя̀ побѣдителная десница (вместо сьтре написано сокруши, вместо ново содѣявши — ѡбновльши). В конце книги под крестом [шестиконечным] приписано: новѡмоу ѡ҆смогласникꙋ, бж҃твныи конецъ и сего написах меѳодїе ѥромонахъ» (ср. № 28; датир. № 8).

В. А. Розовым (о. с., стр. 19) отнесена к XIV веку, размер указан 29,6 × 19, число листов 159 + 2, почерк и язык рукописей Мефодия; здесь же приведена запись его, отнесенная Порфирием к № 20, и паломническая запись 22 мая 1622 года. К этой рукописи относится запись, приведенная Л. В. Стояновичем (Записи и натписи, II, № 4252) из Дабро босанского источника 1888, II, 27.

Извод *болгарский.* На фотографии В. Н. Бенешевича (Sin. 22) даны листы 101 об. — 102. Выписка:

В сѫ҃ ве҃ кан҃ прѣст҃ѣи бц҃и. гла҃ ·ѕ҃· пѣ҃ ·а҃· ѥрмо҃ ꙗко по сꙋх (вязью).

Неѡ҆скѫднѫѫ блг҃ть ꙗко и҆мѧщи бж҃твнѫѫ мт҃и безневѣстнаа к тебѣ притѣкаѫщїих не прѣзри ѿ бѣ҃ и҆ скръбеи присно сп҃саѫщи: +

---

[1] В чернов.: «Горькы».

[2] В чернов.: «іероах», т. е. іеромонах.

23. *Трипеснец* (триодь). Бум., лист, XIV в. Содержит пѣніа троична и седальны октоиха, а потом все службы, начиная неделею мытаря и фарисея. Оканчивается пятком 6-й недели. Письмо прямое и красивое, с киноварью, в 27 строк. В конце книги приписано: Въ тъ же день несѣдальное празднуемъ по Владычиця нашя бц҃я — ради вины сицевы: Ираклиу... и пр. Приписка эта позднее самой книги, повидимому, и сделана въ лѣто ҂зѡѯи инд. ї҃г., царствующимъ въ насъ благочестивымъ царемъ Стефаноу Оуресоу и матери его монахинѣ Елизаветѣ. Ясно, что ҂з стоит вместо ҂ѕ. Год выйдет 6868 (1360), которому, действительно, соответствовал 13-й индиктион. Встречаемый в приписке ѫ считается признаком болгарского письма. А между тем переписчик упоминает о сербских царях, которых называет нашими.

«*Триодь постная,* на бумаге, в лист, писана полууставом не очень хорошо в 1360 году. Послесловие Иакова Серского буквально то же, что в Триоди цветной [№ 22-б, у нас 24]» (№ 22-а;[1] датиров. № 7).

Рукопись упомянута в «Путешествии», стр. 214 и 215, там же, стр. 219 — выписки в числе «Образчиков письма 1360 года» и послесловие Иакова Сербского (не все и не точно). Извод *болгарский.* В. А. Розов (о. с., стр. 20) различает двух писцов рукописи;[2] число листов 393, размер 28 × 18, послесловие (л. 393) напечатано целиком, не вполне точно. У В. Н. Бенешевича Sin. 23; ср. Н. П. Кондаков. Путешествие на Синай 1881 г., стр. 160; из него же в альбоме — снимок с послесловия. Выписка с послесловием:

възбраннъıѫ мт҃ре и̇ непобѣдимъıѫ мл҃тва
ми х҃е бе҃, чѣемъı^х^ на҃ и̇змѣни напасти. и̇
помилꙋи на҃ ꙗко е̇динь члв҃колюбець ·:· —
ѡ̇ сине ѡ̇ свѣта моего сиꙗнїе. ѡ̇ сина ѡ̇ си^л^но^о^
мое к тебѣ желанїе ·Иже въ ѡ̇гни
неѡ̇палимаа съблюдесе. съблюди ме

[1] Обе рукоп. в черновике арх. Порфирия под одним — 22-м — номером. Среди датир. по ошибке названа цветной.

[2] У того и другого иногда встречается смена ꙋ и ѫ.

ѿ ѡ҆гнꙗ вѣчноующаго. Сѣрьскы
їаковь митрополить посла сие книгы
въ синаю. и приложи е прч҃тѣи дв҃ѣ
мт҃ри. ·Ѥже и҆ по имени писана быше
з҃ѣ соугоубень трипѣсньць. и҆ часословц҃ь.
пл҃тирь. и҆ чтенїе златооустово. ˇꙗко
да ю ѡ҆брѣщоу вь ча҃ възанїꙗ грѣвьхо (sic)
избавителницоу въкоупѣ и҆ прѣ҃ста
тел҃ницоу. ·И мл҃ю въсоу братию срьбле
въкоупѣ и҆ грьке симь книгамь неѿѥмь
лѥмымь быти ѿ дома прѣч҃тиѥ дв҃ы
до вѣкы. кто ли дрьзне ѿѥти сиѥ.
съ сн҃омь ѥѥ хм҃ь соудь да имать а҆ми҃: —
Вь лѣто ҂ѕ҃ ѡ҃ ѯ҃и і҆ндиктиѡ҃. г҃і.
цр҃твоующимь въ на҃ блг҃очьстивимь
цр҃емь стефаноу оуресоу. и҆ матерї е҆го
монахїи е҆лисаве҃: ~

24. *Пентикостарь.* Бум., лист, XIV в. Содержит службы навечерия недели ваий по неделю всех святых. К книге приложены и «Собрания» (Синаксари) с недели мироносиц по день св. Духа. Письмо то же, что и в предыдущем номере. В конце книги приписано: Да почили (?)[1] оубогый Гавріиле от великаго троуда. Въ лѣто ҂ѕѡѯ҃и инд. іг҃. при тех же царях. Упоминаемый царь, конечно, Стефан III Урош, последний царь из династии Неманичей.

«*Триодь цветная*, на бумаге, в лист, 1360 года, начинается с вечерни на субботу Лазареву и содержит последование служб на всю страстную седмицу и в пасху и пр. с краткими прологами. Эту рукопись Триодию цветною назвал я. В конце приписано: Сѣрьски їакѡвь... [см. предыд. №]. На обороте это самое переведено по гречески. Переписывая эту книгу «почини ѹбогыи Гаврїиле ѿ великаго труда». Переписчик по местам на поле писал: «'ѡ҆хь тебѣ

[1] В чернов: «Да почнин».

убогыи Гаврїиле доколѣ да починемъ». Далее: «Ст҃їи ѡц҃и никеїстїи помозѣте ми и сїя. ꙁ҃ и и҃ нед. кончѣ» (№ 22-б; датир. № 1).

Выписка из этой рукописи приведена в «Путешествии», стр. 219. Ср. Л. Стојановић. Записи и натписи, I, № 116 (стр. 42) (по «Дабро-Бос. Источнику» 1888, II, 43) полнее, чем у Порфирия, совпадает с № 23 у нас. Под № 117 у него же заметка: «Ову је книгу писао Гаврила» (там же, стр. 42). Извод рукописи *болгарский*.

Греческий текст послесловия Иакова с датой 1359 г. (ἔτει ϛ҃· ѡ҃· ѯ҃· η҃, ἰνδικτιῶνος ιγ'. μηνὶ σεπτεμβρίῳ κβ.) приведен целиком в предисловии к Памятникам Синая, вып. I, стр. III.

В. А. Розов (о. с., стр. 21), относит к XIV в., размер — 29,5 × 20, строк на странице 29 и 32, листов 303, письмо то же, что № 23, на л. 1 паломническая запись 1622 г. февр. 4.

25. *Анфологий* (Минея праздничная). Бум., лист,[1] XV в.[2] Начинается сентябрем и оканчивается на службе в августе. Письмо хорошее, с киноварью,[3] по 27 строк. Книга крепко подмочена.

«*Минеи* всемꙋ годищу, in 4⁰ большое, на бумаге. Полуустав худ. Конца нет» (№ 25).

Судя по фотографии В. Н. Бенешевича (Sin. 25), правильнее отнести к XVI веку. Извод *болгарский*. Выписка:

Ега҃ на сѫ҃дищи страшнѣ. ѝюлиꙗни зрѣше пр҃блж҃енаа. м҃нц҃ѫ славныѭ варвары. вь рана^х^ стражѫщѫ и мѫками различныими тѣло вьсе сьдраблѣемо. тѣплыми сльзами выпиꙗше. слово бж҃ие твоѧ мѧ ѻбѧщницѫ быти. н҃нѣ спо҃би члв҃колюбче.

В. А. Розов (о. с., стр. 21—22) относит к XIV веку; число листов 261, размер — 29,5 × 20, две руки, отмечает службы болгарским святым.

26. *Анфологий*. Бомб., 32 д. л., XV в. Содержит службы праздничные с 1 сент. по 2 февраля. Письмо мелкое, неровное, 16-строчное, с киноварью.

---

[1] В чернов. добавлено: «или 4⁰ больш.».

[2] В чернов. век не указан.

[3] В чернов. добавлено: «и кое-где голубое».

«Подобная [см. № 8, у нас 27] *минея* с мес. сентября, на бумаге, в 12 долю листа. Письмо то же. Речь та же. 6855 года, ноября 13» (№ 9; датир. № 3).

В черновом перечне датирован. рукописей отнесена к 1348 (а не 1346) году. Небольшую выписку см. в «Путешествии», стр. 218. Извод *сербский*. Снимка у В. Н. Бенешевича нет.

27. *Анфологий*, вторая часть. Службы с 9 марта по 29 августа. «*Минея с месяца марта*, на бумаге, в 12 долю листа. Письмо мелко. Речь сербская. 6855» (№ 8; датиров. № 2).

В черновике датир. рукопись отнесена к 1348 г.; см. предыд. №.

28. *Минея*. Бум., лист, XIV в. Содержит службы месяцев: майя, июня, июля и половины августа. Недостает с начала 16[1] тетрадей. То же в конце недостаток.[2] Письмо с киноварью в 27 строк.

«Такая же [как № 25 у нас] *минея*, in 4°, ни начала, ни конца» (№ 26).

Фотографии В. Н. Бенешевича не имеется. В. А. Розов (о. с., стр. 22), определяет извод *сербским*, а на л. 242—274 — *болгарским*, также XIV в., число листов 274, размер 20 × 13.

29. *Службы разные*. Перг., мал. 4-ка, XIII в.[3] Содержит: Троичные каноны 8 гласов, последование акафиста, канон пасхальный,[4] параклис Богородице («многими содержимъ»), канон Иисусу сладкому, ангелу-хранителю, на коем и пресекается книга. Письмо красивое, с киноварью, в 24 строки. Всех 9 тетрадей.

«*Службы* в Троицын день, в Пасху и проч., на пергамине, in 8°, неполн. Почерк изряден» (№ 14).

Рукопись находится в Публ. Библиотеке (Q. п. I, № 58), куда поступила через И. В. Ягича (Отчет Публ. Библ. за 1899 г., стр. 157); относится к XIV веку, полууставом *сербского* письма, 4°, 68 листов; рукоп. без начала и конца; начинается с 4 песни 1 гласа

---

[1] В чернов.: «13».

[2] В чернов. добавл.: «Пресекается на службе 15 августа (Преиспреизреченныя божественыя славы)».

[3] В чернов.: «XII—XIII в.».

[4] В чернов.: «службу Пасхи с вечера вел. субботы без парем. и проч. только один канон пасхальный».

(словами: «Просиꙗн ми бг҃оначелнаꙗ трисльньчьнаа сиꙗн҆ми). Ср. также Н. П. Кондакова. Путешествие на Синай, стр. 160; у него же снимок в альбоме.

30. *Образъ церковнаго състава.* Перг., 16 д. л., XIII—XIV вв.[1] Не полный. Оканчивается уставом в понедельник по неделе всех святых и сказанием како подобаетъ кадити и пр.[2] Письмо красивое, 19 строчек, с киноварью.

«*Образъ цр҃ковнаго състава*, иже в іерл҃мѣ ст҃ыѥ лавры прѣпо҃бнаго и бг҃оноснаго оц҃а нашего савы. На перг., в 12°, довольно толстый. В конце сказание, како подобаеть кадити (кадилом творить крест повсюду)» (№ 5).

За отсутствием данных извод не поддается определению (сербский? болгарский?).

31. *Панигирик.*[3] Перг., 8 д. л., XIII в. Начинается житием святыа великиа[4] м҃чца Екатерины: Въ лѣто тридесетное и пято... и писанием Пилата к Тиверию: Великодержавному и зѣло честному... Затем уже следуют самые Похвальные слова с рождества богородицы по рождество предтечи. Книга полная. Письмо прямое и широкое, с киноварью и разноцветными прикрасами, в 25 строк.

«*Слова Иоанна Златоуста*, на пергамене, in f° малое, почерка неправильного и некрасивого» (№ 16).

В «Путешествии» (стр. 217) дана выписка из Слова на рождество предтечи (Понеже оу҆бо прѣбл҃гй бь҃. й чловѣколюбець...) в качестве «Образчика правописания болгарского». Рукопись теперь в Публ. Библиотеке (Q. п. I, № 56), куда поступила через И. В. Ягича (Отчет Публ. Библ. за 1899 г., стр. 156). Им же подробно описана, исследована, отнесена к XIII—XIV в. с изданием из нее нескольких текстов (см. Bericht über einen mittelbulgarischen Zlatoust des 13.—14. Jahrhunderts. — Sitzungsberichte d. k. Akademie d. Wissensch. in Wien.

---

[1] В чернов. век не указан.

[2] В чернов. вместо «и пр.» добавлено: «молитвами над кутиею и над хлебом».

[3] В чернов. обозначено, как «Слово св. Иоанна Златоустого».

[4] В чернов.: «ст҃ыѫ великыѫ».

Philosoph.-hist. Klasse. B. CXXXIX, 1898, IV). П. А. Лавров (Энциклоп. Слав. Филол., 4,1, стр. 106—107) характеризует рукопись, как образец «крайне вычурного письма XIII в. конца или начала XIV-го», что наглядно видно и из данных у него снимков. П. А. Сырку («К истории исправления книг в Болгарии», I, вып. I, СПб. 1899, стр. 454—456) относит ее только к XIV веку, но не к XIII—XIV-му. В рукописи (размер 20 × 16 сант.) 250 л., число строк в общем 25 на странице, но колеблется между 22 и 27 и даже 28 (Ягич, op. cit. 2).

О «Первоевангелии» Иакова и «Послании Пилата», (находящихся в этой рукописи, л. 10 об.—30) см. И. В. Ягич. Критические заметки к славянскому переводу двух апокрифических сказаний (Известия ОРЯС, 1898, III, кн. 2 и 3). Извод *среднеболгарский*.

32. *Панигирик*. Бум., ?[1] Содержит 20 слов отеческих: первое на пасху св. Григория богослова, последнее — на успение преп. богородицы; к ним приписаны: первая сотница Максимова, 19 слов Петра Дамаскина, Макария В., Поучение Никифора патриарха, и последняя, весьма любопытная статья: «Повести о старцах св. горы Синайские и о прочих». Начинается она так: Прѣдъ врѣмены нѣцыими бысть по повеленію Господнему смерть въ нашей пустыни... Книга полная, хорошая. Письмо тонкое и красивое, в 22 строки с рыжими надписаниями.

«*Поученія*, на бумаге, in folio. Григория богослова, Златоуста, Епифания, Прокла, Петра Дамаскина 10 [?] слов, Макария Египет., Никифора патр. и повести о старцахъ сѣтые горы Синайскые, Петра Дамаскина о внимании. Рецензия сербская, ѧ нигде не встречается и заменяется ꙗ [?]. Полуустав изряден» (№ 23).

Судя по выписке, извод, действительно, *сербский*. О рукописи в «Дневниках» у арх. Порфирия же (IV, 53) сказано: Повести о старцих святые горы Синайскые по прочих. Рукопись славяносербская. Я читал эти повести в 1845 г. и выписал из них многое, а в 1850 г. Крылов[2] перебелил их для меня сполна. Смотри в моем каталоге Синайских рукописей».

[1] В чернов.: «листъ».

[2] Спутник арх. Порфирия в путешествии.

Век рукоп. остается неопределенным; видимо, не старше XIV или XV-го.

33. *Слова подвижнические.* Бомб., 16 д. л., XIV в.,[1] без начала и конца. Первые слова ее: Ба҃ оусти своими..., последние: такожде и хлѣбъ дахъ и не обличихъ[2] ѥго. Письмо неровное, но весьма чистое и красивое, с киноварью, по 21 строке на странице. Книга непомерно толстая. Всех 54 тетради.

«*Поучения и сказания,* in 8⁰, на бумаге, ни начала, ни конца (сербская)» (№ 31).

Фотография В. Н. Бенешевича. Sin. 33, л. 203 об. — 204, дает 20 строк на странице. Извод *сербский,* по письму может быть XIV—XV вв. Выписка:

вь истиноу
ѿхожоу. ꙗко да выжоу матерь свою
шь же брать повѣда ѡц҃оу. старьць
же пришь гл҃а ми чедо доброѥ сѣди
трьпѣниѥмь бж҃иѥмь, а ѡставі
при стр҃тыѥ ѡп҃а и мт҃ре. имамь
же ѡц҃а и мт҃рь ѥже ѡ на҃ и ѡ нѣ҃ тво
рите помысленыѥ иже на п҃лзоу а
ще лы же прѣслоушаеши ме҃ и поиде
ши родителю оубо свою николы же
имаши ползоуваты. себе же сам҃го
мнозѣишеѥ повр҃диши. и послѣ
ди много раскаꙗвсе. и ничтоже
ползоуѥши.

34. *Слова разные.* Перг., 12 д. л., XIII в.[3] Содержит в себе: 1) Слово Иоанна, игумена синайского, 2) Евсевия, епископа александрьска (не бывалого) о вшествии Иоанна Предтечѧ во адъ: Возлюблени, добро есть рещи, каково ѥсть во адѣ..., 3) Ска-

---

[1] В чернов. не указан век.

[2] В чернов.: «облычихъ».

[3] В чернов. не указан век.

зание ѡ вї патокъ: «Господи благослови. а· пятькь мѣсяца марта: а· вь ньже адамь прѣступи заповѣдь божію, изгнань бывь вь ѕ часъ из рая. днь ѥсть ·а· пятка и ть днь подобаеть всему чл҃коу поститися въ пон. среду и пятокъ и причаститися къ авраамовѣмъ ·дї· рбмъ. в· пятокъ прѣдь благовѣщенїемь Богородицы, въ неже оуби Каинь Авела брата своего въ 3-й часъ дне»... и пр. 4) Слово Ефрема Сирина и пр. Письмо неровное, с прокрашенными заглавными словами, в 25 строк. Пергамен плохой. Книжка вообще[1] невзрачная, но любопытная.

«*Сборник разных слов и канонов* [?], краткий, in 8°, на пергамине и бумаге. Сербской [?] рецензии» (№ 4).

К этой рукописи относится заметка в «Путешествии» (стр. 216) о «Словесах душеполезных» «сербского попа Иоанна». Из нее же там же (стр. 224—225) напечатано Житие княгини Ольги (проложное). К ней же относится заметка в черновиках: «№. Но на переплетном листе в начале книги, озаглавленной: Словеса душеполезная, а писанной на пергамене приписано: Кіими похвалами похвалимъ попа Іоанна онъ ѡваме [?] сербска утѣха. ѡгрѣда ниж$^{ш}$ [на$^{ш}$?] надежде [а?] заблудшихъ обращеніе безумныхъ научителу а добрихъ свѣтниче благодате прости и благослови ✝ и вѣще хотѣхъ писати али не смѣхъ время много зла чинихъ често хожденїемъ кь му писати азь лукавый старець. В средине сей книги внизу на поле приписано: Азь зли старець благословихъ попа Іѡвана. ако же лукавь самь а молитва божія есть (почерк сих приписей—хризовулов 14 столетия)». В другой заметке черновиков (где арх. Порфирий собирал все, что касалось попа Иоанна Сербского): «Этот [поп — зачеркнуто] Иоанн жив был в 1481 году. Тогда он писал Четвероевангелие (см. мой Каталог Сербских Евангелий [рукописей — зачеркнуто] под 1481 год.)».

Фотография В. Н. Бенешевича, Sin. 34.[2] Извод *болгарский*, по палеографическим данным (ѡтъ, ѣ вровень строки, ъı (кое-где ы), а)

[1] В чернов. вместо «и вообще» стоит: «тонкая и».

[2] Снят отрывок из апокрифич. повести о пленении Иерусалима (плач Иеремии); см. Н. С. Тихонравов. Памятники отреченной литературы, I, 291—292.

рукопись должна быть отнесена к XIII веку. На рукописи вдоль продольного поля приписка рукой XIV в.: Дигионь ре҃. єг҃а сѧдеть мѫжь вь пироу. чашоу испиѥть. зр҃авию҆ а дроугоую веселию. а третию ситости. а четврьтоую безоумию. а пѧтоую бесованию. а шестоую горцѣи смерти. а семоую конечноую иже моучению не бѫдеть конца ⁘ — Видимо, рукопись болгарская побывала в руках русского писца: извод приписки — русский.

35. *Слово Исаака Сирина.* Бум., 8 д. л., XV в.,[1] без начала. Первые слова: честословимъ ѥ҃ въ сихъ таковый начало истиные жизни человѣку... Письмо мелкое, в 25 строк.

«*Исаака Сирина,* на бумаге, в полулист. Почерка мелкого и нехорошего» (№ 17).

Судя по выписке, извод — *сербский.*

36. *Тълкованіе евангельское.* Бум., 4-ка, 1770 [г.]. Содержит в себе проповеди от недели по всех святых до недели о Закхее и 7 слов Златоуста. Письмо новое и некрасивое, без киновари, по 23 строки на странице. Переписал из греческого извода (вероятно, какого-нибудь «кириакодрома»): Никифор монах во ст҃ыи обителъ рыльскый въ лѣто ҂а҃ѱо при игумене Кир Вениамине и пр. Всех листов у҃.

«*Поучения,* на бумаге, в полулист, писана неровным полууставом Преписах изъ грече́скаго и҆з́вода сїе тлъкованїе евангелское ѿ второю н҃лю по в́сехъ ст҃ых Никифоръ монахъ въ ст҃ыи ѡ҆бытелъ ры́лскый въ лѣто ҂аѱо мц҃а наеврїа а҃ дн҃ь. Обычный для XVIII в. язык русско-славянский» (№ 19, датиров. № 6).

Упомянуто в «Путешествии», стр. 215.

По статьям описано В. А. Розовым (op. cit., с тр. 22—30). Им же указано число листов — 408; размер — 21,6 × 15, число строк на странице от 18 до 23; высота букв изменчива. Есть приписки 1780, 1798 гг. (л. 5—13).

Снимка у В. Н. Бенешевича нет.

37*. *Евхологий* [глаголический].[2] Перг., 16 д. л., ?, без начала

[1] В чернов. не указан век.

[2] Назван арх. Антонином «Псалтирью», согласно (им же сделанной?) этикетке на рукописи: «37. Ἰλλυρικόν. ѱалтирь глаголическаго письма» (см. L. Geitler, Euchologium, p. V).

и конца. Письмо мелкое и тщательное без киновари, по 23 строчки на странице. Для отличия, надписания псалмов [молитв] закрашены то желтою, то зеленою краскою. Всех в книге 13 тетрадей.

Издан целиком L. Geitler'ом: Euchologium. Glagolski spomenik manastira Sinai brda (sa snimkom) (Djela Jugoslavenske Akademije znanostii umjetnosti, II, u Zagrebu, 1882). По счету Гейтлера в рукописи всего 106 листков, на странице 24—26 строк (см. предисловие, стр. VI, причем рукопись подробно описана).

Два листка из Евхология вывезено в 1853 г. арх. Порфирием, один — Н. П. Крыловым; все три теперь в Публ. Библиотеке (Глагол. № 2); см. И. И. Срезневский. Отрывки из древнего глаголич. служебника (Зап. Ак. Н. IV, 1 (1853), 20—21; ср. Зап. И. Арх. Общ., V, 19—20).[1] Об орнаменте рукописи см. у Н. П. Кондакова, Путешествие на Синай, стр. 160 им же выведен один листок (10-й в рукописи), находится в Публ. Библ. (Глагол. № 3) и издан Н. М. Каринским, образцы глаголицы (СПб. 1908), № 7. Рукоп. старо-словянская, XI века.

Рукопись целиком снята на бромисто-серебреную бумагу в 1911 г. В. Н. Бенешевичем, и снимки представлены в Академию Наук.

38*. *Псалтирь* [глаголическая]. Перг., 16 д. л., ?, без конца. Письмо такое же[2] в 20 строк, без киновари и взамен ее с желтыми и бурыми покрасками по надписям и зеленовато-красными буквами. Всех в книге 177 листков.

Издана целиком впервые L. Geitler'ом: Psalterium. Glagolski spomenik manastira Sinai brda (sa snimkom). Djela Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti, III (Zagreb, 1883), но не вполне исправно; вторично, по снимкам, сделанным В. Н. Бенешевичем

[1] Издан листок в снимке у Н. М. Каринского, Образцы глаголицы (СПб. 1908), № 8. Листок, вывезенный Крыловым, через собрания Михайловского, перенесен к Срезневскому (теперь в Акад. Наук); дан в снимке там же, № 6.

[2] Т. е., как и в № 37. Сюда, к этим двум рукописям, относится заметка арх. Антонина в его «Списке»: «В числе рукописей латинского письма мне показаны были и две маленькие книжицы пергаминные, вовсе не латинского письма. Они оказались произведениями «глаголицы», которые я на сем основании и причисляю к славянским рукописям».

в 1907 г., издана Академией Наук (Петрогр., 1922, Памятники старославянского языка, IV): «Синайская Псалтырь, глаголический памятник XI века» (с 11 таблицами снимков). Приготовлена была к изданию С. Н. Северьяновым, под наблюдением акад. Ф. Ф. Фортунатова.

Снимок есть у Н. М. Каринского, Образцы глаголицы (СПб. 1908), № 5.

[39]. *Палимпсест.* Публ. Библ. (греч. № 70) — славянский текст XIII—XIV в. по стертому греческому письму, 4°. Привезен в Публ. Библиотеку в числе других К. Тишендорфом (см. его Anecdota sacra et profana. Leipz., 1861, p. 10, XI; ср. E. Muralt, Catalogue des manuscrits grecques. Spb. 1864, p. 41). Всего листов 112,[1] писанных разными руками, устав, частью полуустав. О нем см. у П. А. Лаврова в Энцикл. Слав. Филол. 4,1, стр. 133; ср. его же, Заметку об апокрифах в рукоп. Публ. Библ. греч. № 70 (Југославенски Филолог, II, 1, Беогр., 1921, стр. 61—64).

Состав рукописи:

1) л. 1—52.

2) л. 54—102. Старчество. Патерик скитский. Текст с рядом руссизмов, даже южно-руссизмов: вечѣрнихъ, въѡбражѣныѩ, поставлѣниѩ (55), оумилѣниѥ (59), блоужѣниѩ (59 об.), льщѣньѧ (102 об.), подыѩкони (55), вѣдоущихъ, соуть, свою мѣроу, ѡбрѣтаютьсѧ, провъзглашаютьсѧ (55), дьрзни, исполнь (101), чюжа (56), Ѡвьржена (56), приѩхомъ (55), чадо (59 об.).

3) л. 103. Авгарево послание (без начала).

4) л. 105. Откровение Варуха.

5) л. 14 об. Слово Иеремии о пленении Иерусалима.

6) л. 114 об. Беседа на горе Фаворской.

Все статьи, кроме 2-й, извода *болгарского.*

[40]. *Палимпсест* Публ. Библиотеке (Q. п. I, № 64). Синайское происхождение (через К. Тишендорфа) можно считать установленным; см. И. В. Ягич. Глаголическое письмо (Энцикл. Слав. Филол., 3, СПб., 1911), стр. 72 и 230. Писан уставом, перехо-

[1] E. Muralt считает всего 112 л., но на деле их теперь больше.

дящим в полуустав, в XIII — XIV в. по старшему глаголическому письму. 4-ка, 8 листов. О рукописи см. также у П. А. Лаврова в Энцикл. Слав. Филол., 4,1, стр. 135. Извод *болгарский*, но кое-где с руссизмами (ср. Известия ОРЯС, XXVI, 1921, 198—199, прим. 3) в одной из статей. Состав: 1) без начала — отрывок какого-то поучения, 2) л. 1 об. — Чю҃ ·г҃· ст҃го николы (здесь — руссизмы); 3) л. 6 об.— Слово ѿц҃а макси҃; 4) л. 8 — Сл҃ѡ ѿ ꙋтѣшени чрьнорсци.

[41]. «*Служебник*, in 8⁰, + писа^х азь стефань ѿ ст҃їє го́ри синаи ҂зро — ҂ах҃ѯв» (№ 33, № 11 датир.).

Отмечен арх. Порфирием в «Путешествии», стр. 215. У арх. Антонина соответствующей рукописи нет.

[42]. «*Ирмолог* нотный, in 12⁰. Наши церковные ноты, наши напевы, на бумаге» (№ 11).

Соответствующего у арх. Антонина не указано. В перечне недатированных рукописей обозначен у арх. Порфирия (за № 6), как русский.

[43]. «*Малый часослов*, на бумаге, in 16⁰, писан весьма некрасиво. Запись: «Сие рꙋкꙋписанїє сие листъ писасе на царскаго града писа ѐ даскалъ тодꙋръ ѿ сопу́тъ тирзиута въ лета ҂аѱне» (№ 15; датир. № 5).

Упомянут арх. Порфирием в «Путешествии», стр. 215. В черновике обозначен, как болгарский. У арх. Антонина подходящего не нашлось.

---

Уже во время печатания статьи получен был мною только что вышедший номер сербского журнала «Југославенски Филолог», V (Беогр. 1925—1926), где издана статья Вл. Розова «Српски рукописи Јерусалима и Синаја» (стр. 118—129), служащая продолжением аналогичной статьи его же, помещенной в болгарском журнале «Минало» (кн. 9—1914), мною уже использованной. Новая статья В. Розова, однако, ничего по существу не в состоянии прибавить к тому, что известно было раньше и собрано мной в моей статье: автор в большин-

 Магазин 30 3 р.

стве случаев ограничился переводом на сербский, часто в сокращении, заметок арх. Антонина, изредка добавляя свои, притом ничего существенного не прибавляющие, заметки; наиболее ценным в этих заметках то, что, исходя из неуверенности арх. Антонина в датировке рукописей (о чем была речь и в моей статье), он проверил эту датировку, понизил кое-где (и справедливо, как можно видеть и из моих данных в «Приложении») приблизительно на одно столетие (см. №№ 5, 6, 7, 12, 17, 29, 32), кое-где указал точнее (в сантиметрах) размер рукописи (№ 28), еще реже сделал дополнения, впрочем незначительные и несущественные (запись 1818 г. из рукописи № 36). О ценности в общем сведений, сообщаемых В. А. Розовым в настоящей статье, много лет спустя после путешествия (на Синае он был в 1908 г.), можно судить уже по тому, что он к числу рукописей, якобы им рассмотренных на Синае, относит и те (№№ 29 и 31), которые еще в 1899 году поступили в Публичную Библиотеку (в Ленинграде)..., рукопись № 6 отнес к *сербским* по изводу, №№ 19 и 25—к XIV веку, а о рукописях №№ 1 и 11 отозвался: «не сећам, какве су редакције», наконец, о рукописях №№ 20, 22, 23, 24 только упомянул, не давая никаких более обстоятельных сведений, а иногда опустил и кое-что необходимое, даже сравнительно с Антонином (напр. число листов № 10).

М. Сперанский.